

Петр Ингвин СМЫЖИ

16+

Из цикла «К Свету»

Петр Ингвин

СМЫЖИ

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ингвин П.

Смыжи / П. Ингвин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Начало XXII века: "Относись к другому, как хочешь, чтобы относились к тебе", модифицированные птерозавры как личный транспорт, живые дома, вещи и еда из принтера, смыжи... У вас возник вопрос: "Смыжи – кто или что это?" У арестованных героев тоже. Автор обложки - Галина Николаиди.

Содержание

Глава 1. Андрей	5
Глава 2. Гаврила Иванович	16
Глава 3. Гаврила Иванович	25
Глава 4. Боря Мартынов	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Андрей Новая дверь, кома, гадюки

«Рыбалка» – слово минувшего века, как, например, «изволить», «Ваше Величество» или «отнюдь».

– Ваше Величество изволит лететь на рыбалку?

– Отнюдь.

Теперь так не разговаривают. «Рыбалка» вспомнилась Андрею, когда птерик заложил крутой вираж и пошел на новый заход. Руки вцепились в холку, одеревеневшие ноги сдавили седло. Голову закрывал шлем, тело облегал экзоскелет с реактивным ранцем, но дух захватывало от нерационального пещерно-дремучего ужаса. Наверное, древние рыбаки так же добывали корм своим семьям и лошадям – ежедневно подвергая себя опасности ради близких.

Пике, всплеск, полный восторга протяжный вопль при отходе на бреющем... На Андрея покосился круглый глаз на вытянутой голове с гребнем, в зубах-иглах трепыхалась добытая рыбина. «Золотой карп», – услужливо появилось перед глазами название. Как и птерозавр, карп тоже была модифицированным, его не нужно ловить таким варварским способом, достаточно позвать. Но после взрыва ощущений никто не уверит Андрея, что рыбалка – скучное занятие. Адреналин зашкаливал, как в стрелялках нижнего уровня и стратегиях высшего.

Сравнение расставило все по местам, рыбалка – тоже развлечение, убийство времени. В виртуальных играх хотя бы прививаются нужные навыки и ненавязчиво подается информация о мире, а рыбалку Андрей устроил, чтобы оттянуть миг встречи. Возвращаться в Зайчатник было тяжело. Увидеть глаза Вадика и безжизненное тело Яны...

Пять лет назад Андрея и Вадика распределили в Центр Перспективных Разработок профессора Зайцева – в Зайчатник, как называли ЦПР вместе с прилегавшим поселком. Поначалу звучало смешно, но знакомство с работой заставило гордиться причастностью и названием. Именно здесь из отказавшихся летать в нашем воздухе клонированных птеродактилей создали птериков, здесь же сконструировали живое жилье, что завоевывало мир с меньшим успехом. Семена новых домов с нетерпением ждали по всему свету.

Через год из местного Уральского Астробиологического в Зайчатник прибыли две девушки – Яна Чайковская и Эля Прокофьева. Первой недавно исполнилось семнадцать, золотые волосы она заплетала в косу, а когда лицо расцветало в улыбке, от обаятельных ямочек на щеках нельзя было оторвать взгляд. Все улыбались в ответ, хмурые лбы разглаживались, и настроение, какие бы проблемы ни мучили окружающих в этот момент, резко поднималось. Девушка-праздник. В Яну влюбились все, от начальства, оценившего ее знания, смекалку и работоспособность, до единственных здесь представителей молодежи, ровесников века, восемнадцатилетних Андрея и Вадика.

Факт, что девушка понравилась обоим, они поняли сразу. Отношения заискрились, казавшаяся крепкой дружба повисла на волоске и грозила обернуться противоположностью. Жизненный принцип «поступай с другими так, как хотел бы, чтобы с тобой поступали они» впервые дал сбой: он требовал отойти в сторону ради счастья друга, но нечто глубинное в подсознании этому противилось.

– Что будем делать? – однажды спросил Андрей – сипло, мрачно, со сжатыми кулаками.

Вадик тоже уступать не собирался.

– Ничего, – сказал он.

И на свет появился молчаливый пакт: не мешать друг другу доказывать причине раздора, кто из них лучше. Андрей больше надеялся на доведенное до совершенства телосложение и на высокий вкус, привитый родителями-художниками, а более хлипкий Вадик брал свое юмором

и нечеловеческим упорством – начатое дело он продолжал, даже когда у всех опускались руки от казавшейся безнадежности.

Яна с удовольствием дружила с обоими и никого не выделяла.

Вторая девушка – кудрявая темненькая Эля – закончила институт в пятнадцать, она только расцветала и сразу ушла в тень яркой подруги. Предпочтение Эли не осталось незамеченным: она старалась оказаться рядом с Андреем даже когда не требовалось. Любая работа вчетвером превращалась в испытание нервов: Эля прибивалась к Андрею, он хотел быть с Яной, Вадик иногда благородно отвлекал Кудряшку на себя, чтобы Златовласка и Андрей хоть немного поработали в паре, а такое проявление дружбы злило Яну – на первое место она ставила результат, которому чувственные заморочки бесконечно мешали.

Профессор Зайцев с присущей ему любовью играть словами Чайковскую с Прокофьевой звал просто композиторами, а Андрея с Вадиком – по их фамилиям Сигал и Чайкин – соответственно, чайками: «Сигал» на одном из мировых языков тоже обозначало чайку. Прозвища ушли в народ, и позвать куда-то не парней или девушек, а чаек и композиторов стало в Зайчатнике обычным делом. Когда Эля отсутствовала, чайками становились все: Чайковская – тоже чайка, причем, среди остальных, главная.

Через месяц количество молодежи выросло еще на двоих – семнадцатилетних нанотехнолога Юлю Потанину и генетика-дизайнера Борю Мартынова. Плотненькая рыжая Юля и коренастый русый Боря неумовимо напоминали друг друга, но едва в рабочие отношения вмешались личные, все вновь пошло кувырком. Юля высоко оценила упорство и благородство Вадика, а Боря добавил в кружок почитателей Яны. Правда, как человек новый, он держался в тени и часто по-рыцарски составлял компанию игнорируемой Андреем Эле. Если ничего не изменится, со временем сами собой сложатся три пары: Боря и Эля, Вадик и Юля, а Андрею останется Яна. Нужно лишь подождать.

С появлением Юли Потаниной тройку девушек с подачи острого на язык профессора стали называть «Чай, Кофе, Потанцум». Когда требовалось вызвать «на ковер» молодежь в полном составе, Зайцев распоряжался «представить ему пред светлы очи весь алфавит», поскольку имена парней начинались с АБВ, а девушек – с ЭЮЯ.

Живые дома подрастали, вслед за профессором в них постепенно переселялся весь коллектив. Несколько экспериментальных образцов прижились под водой на станции в Баренцевом море, еще несколько спроектировали под тяжелые условия Марса, и потребовался астробиолог для их настройки в период адаптации. Выбор пал на Яну.

К ужасу каждого из поклонников она согласилась – полет на Марс был в списке желаний, загаданных ею в детстве. От посторонних список не скрывался: кроме посещения, во-первых, Луны и, во-вторых, Марса третьим пунктом стояло великое научное открытие, четвертым – встреча с любимым человеком, и пятым – рождение четверых детей, двух мальчиков и двух девочек, из которых, как планировалось, затем вырастут не менее великие мечтатели-первооткрыватели. Андрей, Вадик и даже остававшийся на вторых ролях Боря надеялись, что четвертый пункт однажды коснется кого-то из них, но теперь возникла невероятная конкуренция. На Марсе активно строились поселения, требовалось много рабочих рук и приветствовался каждый, кто менял стабильность планеты-матушки на неустроенность быта исследователей и тер-формовщиков, о которых в будущем наверняка сложат легенды. Коренных марсиан было мало, сейчас подрастало и обучалось нужным профессиям первое поколение, и прибывшим в командировку предлагали условия, о которых на Земле не мечталось. Каждый оставшийся автоматически становился героем, в сравнении с которым даже создатели птериков и немешариков казались скучными замшелыми провинциалами. Чуть ли не все мальчишки и девчонки грезили о Марсе, что же говорить, если туда отправят по работе, да еще с человеком, с которым жаждешь связать судьбу?! Собственно, любой из парней готов был лететь хоть на край света, лишь бы с Яной. Но в эту командировку биолог требовался только один. А на Марсе, как уже

упоминалось, – герой на герою и героем погоняет. Для умеющих просчитывать на ход вперед перспектива, надо сказать, – паршивенькая.

Отъезд Яны Чайковской стал точкой бифуркации: сложившаяся система отношений качнулась, миновала черту невозврата и покатила по жизням и надеждам.

Около месяца ушло на курс подготовки на космодроме, затем Яна приехала за образцами и последними наставлениями. Ее глаза горели, мысли прочно застряли в будущем, на другой планете. Прощание вышло скомканным, намерение Андрея признаться в чувствах не исполнилось – не представилось подходящего случая. Также не успели поговорить с ней ни Вадик, ни Боря. Тоже неплохо. Если судьба повернется задом, пусть Яна обретет счастье с неизвестным космическим героем. Это лучше, чем с соседом-соперником. Не так обидно.

Провожал ее весь коллектив, каждому достались краткое объятие и поцелуй в щеку.

– Я вернусь, – пообещала Яна с обаятельной улыбкой, глядя куда-то вдаль.

Корабль ушел быстрой траекторией, по параболе, но даже два с половиной месяца ускоренного полета вместо обычных девяти – очень много. Марсиане, как позже признался Зайцев, из-за преобладания brutally-героического населения просили прислать именно незамужнюю девушку, но они прогадали. Бесконечно тянувшиеся дни открыли тайну Яны. Все это время она разговаривала только с Вадиком, остальным передавала приветы.

Только приветы. Хорошо, что Андрей не признался перед ее отлетом.

Он с головой погрузился в работу. Вадик, наоборот, ожил и преобразился, будто родился заново. Он постоянно обсуждал с Яной ее работу, помогал и консультировал. Когда не было оптической связи, он подолгу ждал ответа, гулявшего по космосу в виде медленных радиоволн – по три-четыре минуты при близости с Землей и до двенадцати минут в каждую сторону на дальнем расстоянии. Когда Солнце оказывалось между планетами, связь терялась, и на некоторое время Вадик превращался в тень человека – бледную, полупрозрачную, почти бесплотную. И, до возобновления связи, бездушную – душа оставалась на Красной планете.

Его помощь оказалась бесценной. Работа на Марсе шла семимильными шагами, низкое давление и перепады температур живые дома уже переносили отлично, с неописуемыми пылевыми бурями тоже справились, и корневая система приспособилась к другому составу почвы и вечной мерзлоте. Вадик чуть ли не круглосуточно что-то проектировал для Яны, проводил какие-то опыты, чтобы ее марсианская эпопея быстрее закончилась. Оба жили скорой встречей на Земле.

Профессор избыточное рвение сотрудника приветствовал. Жена Максима Максимовича, Раиса Прохоровна Зайцева, работала в другой сфере, но ему нравилось, когда супружеские пары занимались общим делом. В Зайчатнике жило шесть таких пар, все ощутимо в возрасте, но дело от этого не страдало. Опыт старших и горячий энтузиазм молодых – идеальная смесь для эффективности и результата.

Наконец, объявили о завершении испытаний и готовности подрастающего на Марсе поселка в скором времени принять жильцов. Для Яны назначили дату возвращения. В Зайчатнике начали готовиться к свадьбе.

Как раз случился редкий промежуток без связи, возможно, последний в своем роде: специальные ретрансляторы для бесперебойной работы инфопотока уже летели для развертывания в нужных точках. Вадик не находил себе места, хотя требовалось просто отвлечься на что-то постороннее – на ту же работу, к примеру, если без нее не может. Все знали, что у него в Зайчатнике большое будущее, он открывал двери там, где другие видели стены. Знал это и Андрей, он решил для себя: когда своими глазами убедится, что Яна и Вадик – пара, у которой есть будущее, то сразу же переведется отсюда.

Это случилось за день до вылета Яны с Марса.

Каждая минута была распланирована. Вечером она последний раз составит отчет о стабильном росте и отсутствии проблем, и утром челнок помчит ее навстречу счастью или разочарованию. Если второе – Андрей будет рядом и поможет. Если первое...

Тогда его больше не будет рядом. Нет ничего хуже вида счастья любимого человека с бывшим другом. Бывшим – потому что дружить по-прежнему они не смогут.

– Ты веришь в телепатию? – спросил его Вадик, перехватив на выходе из лабораторного корпуса.

Засидевшийся за работой Андрей шел домой, Вадик просто бродил по территории в ожидании, когда вновь оживет приемник. Позади высились вплетенные в ландшафт ажурные конструкции лабораторий, впереди полностью сливалась с природой гордость Центра – созданные здесь дома-растения, что вскоре завоюют весь мир. Они вырастут даже там, где раньше о жилье подумать не могли: в пустыне, под водой на любой глубине, на других небесных телах... Под каждую задачу достаточно лишь немного доработать основу. Будущее Солнечной Системы создавалось здесь, в этих стенах. Жилье и транспорт. Что бы ни говорили, а важнее для человека нет ничего, только дом и возможность туда вернуться, причем возможность не менее удобная и приятная чем сам дом.

С реки несло прохладой, пахло прелой травой, грибами и, почему-то, мышами. Солнце давно зашло, луну затагнули облака, но света от деревьев хватало, чтобы видеть все отчетливо. Старики обожали по вечерам любоваться светящимися деревьями, Андрей этого не понимал.

– Телепатия – предмет изучения науки, вера здесь ни при чем. – Ему не хотелось разговаривать, но настолько потерянным и убитым он Вадика еще не видел, поэтому остановился. Впрочем, вместо поддержки с языка сорвалась гадкая колкость: – Боишься, что в последний момент Яна передумает, согласится на местный контракт и останется в кругу космических героев?

– Просто чего-то боюсь. – Глаза Вадика глядели в никуда. – Чувствую что-то. Что-то плохое. Говорят, влюбленные связаны некими невидимыми нитями. Никогда не верил. Теперь верю.

Андрей пожал плечами и ушел. В передачу мыслей нельзя не верить – мысленными приказами успешно управляется бытовая техника, но часто требуется дублирование словами или действиями: мысли у людей слишком сумбурные, часто говорится одно, думается второе, а подразумевается третье. Взять те же двирочки – очки дополненной и виртуальной реальности для визуального присутствия в потоке. Впрочем, в обиходе они давно стали просто очками, как, например, голограмма – го-грый. Другие очки человеку, при его новых способностях, не нужны. Очки управлялись мысленными командами, но корректировать приходилось движением глаз, бровей или голосом. И разговаривали люди, кстати, по-прежнему на разных языках, оттого приходилось изучать сразу несколько, а потом, по мере надобности, постоянно добавлять новые. Когда телепатия из изучаемой области перейдет в разряд освоенных умений, передаваться будут образы и чувства, а не слова. Жизнь изменится кардинально. Языки – последнее прибежище шовинистов. Каждый, как бы ни отрицал, считает, что родной язык лучше, чем соседский. Чем? Как отвечают в бородатом анекдоте: «Да, лучше. Чем? Чем соседский». Люди станут просто людьми, понятия свой-чужой исчезнут. Их нет и сейчас, но лишь для поднявшихся над уровнем ребенка. Дети, как и раньше, играют в войнушки, «убивают» виртуальных врагов и, несмотря на то, что видят глазами и слышат ушами, все равно не понимают, что на самом деле мир устроен по-другому. С этим ничего не поделать. Первокурсник никогда не объяснит своих проблем первокласснику – у них разное видение мира. Так же выпускник посмеется над многими решениями первокурсника – у них разные уровни. В школах и на начальных курсах высших учебных заведений занятия проходят не как в древности, когда нужно было ходить в специальные здания и слушать лекции; сейчас это самообучение с виртуальным личным помощником, и каждый сам определяет, в какой форме он хочет видеть

уроки и как быстро ему двигаться к экзаменам. Учебе помогают компьютерные игры с погружением в реальность, они прививают нужные навыки и дают знания, которые пригодятся в жизни. Многие игры полностью имитируют профессии, и прошедшего все уровни сразу берут на работу по специальности. Поэтому встречаются как четырнадцатилетние выпускники академий, так и пятнадцатилетние старшеклассники. Первые гордятся знаниями, но их эмоциональный фон еще не созрел, и на ответственную работу таких не возьмут. Вторые устают от насмешек сверстников, но встречаются профессии, где другие просто не справятся. Каждый человек на каждом этапе жизни находится на собственном уровне развития, это нужно принять как факт. Собственно, это и есть факт, в отличие от упомянутых Вадиком невидимых нитей. «Телепатия»! В нее верят дети, начитавшиеся сказок, и старики, которые прожили вместе по сто лет и понимают друг друга с полуслова, а то и полувзгляда. Настоящий ученый не верит, он либо знает, либо не знает, но, во втором случае, может допустить в качестве гипотезы при достаточных предпосылках. «Чувствую что-то плохое» – не основание для возможной теории, а средневековая чушь.

Размышляя об этом, Андрей ушел домой. О случившемся ему рассказали утром. Когда связь восстановилась, пришло сообщение, что на территории опытного поселка на Марсе произошла катастрофа. Живой дом защищал от перепадов температуры, от низкого давления, от космической радиации, от пылевых бурь... Много от чего. От метеорита он не спас. Прямое попадание метеорита – вещь редкая, но в условиях разреженной атмосферы более частая, чем на Земле. И неважно, маленький камешек прилетел с неба, или огромный валун. Для того, в кого попали, совершенно неважно.

Поросль будущего жилья пузырилась набиравшими вес и объем комнатами на окраине глубинного города в Долинах Маринера в районе с красивым названием Лабиринт Ночи. От станции спасателей лететь туда всего полторы минуты. С некоторых пор человеческий организм умеет сопротивляться превратностям судьбы во много раз дольше: вживленный слой защиты спасает от высокой или, наоборот, слишком низкой температуры, радиации и воздействия опасной химии, а в крови находятся микрочастицы с кислородом – когда воздух перестает поступать через дыхание, кислород пускается из них в кровоток. Метеорит попал в Яну, но не убил ее. Она могла спастись. Но...

Из-за бушевавшей второй месяц пылевой бури легкая техника не летала, и когда спасатели добрались до передаваемого вживленным чипом сигнала бедствия, нашли раскромсанное ударом, распухшее, замороженное тело. Пневмокостюм порвался, защита организма держалась долго, но всему приходит конец. Случись все это на Земле, в привычных давлении, температуре и сжигающей мелкую смерть атмосфере...

Яну доставили на лечебный уровень Долмара. Трудно было поверить, что в мире победивших нанотехнологий и геной инженерии с человеком может случиться беда. И невозможно представить, что она случится с самым близким тебе человеком.

Тело, конечно, восстановили. Но мозг...

Медицина оказалась бессильна. Нет, мозг не умер, его тоже спасли. Но не так, как хотелось бы.

Диагноз – как удар под дых. Кома апоплектическая. Реакции на внешние раздражители отсутствуют, глубина дыхания, пульс и температура снижены.

Яна превратилась в живой труп. Современная наука оживляла динозавров, печатала части тел на принтерах, успешно боролась со старостью и, при необходимости, превращала ноги в ласты, а кожу – в панцирь, но происходящее внутри мозга оставалось тайной за семью печатями. Ученые понимали, как и что происходит, но не могли ни повторить, ни исправить. Они лишь советовали.

В случае Яны Чайковской медики предлагали ждать. Дескать, может быть, когда-нибудь, при определенных условиях, возможно...

Яну вернули на Землю. Родители часто навещали ее в стационаре – заведении, которых в мире можно сосчитать по пальцам. И каждый раз, кто бы ни пришел к ней – родители, сестры, брат, гранды, друзья по учебе или сотрудники Зайчатника – в палате они встречали Вадика.

В конце концов он модифицировал живой дом, и после испытаний вживленного оборудования родители Яны дали согласие на ее перевозку в ЦПР.

Яна вернулась, как и обещала. Но вернулось только тело. Истинная Яна осталась за шторами век, потерялась в лабиринте подсознания, не найдя двери наружу.

Девушка-праздник – и растительное существование. Не укладывалось в голове.

Андрей не смог оставаться рядом. Новая работа нашлась неподалеку, в Кунгурском филиале. Старое постепенно забылось. Когда одна дверь закрывается, судьба всегда открывает другую, главное – не проглядеть. Проекты изучавшего наземную и подземную фауну биологического центра Андрею понравились. Работа оказалась не столь масштабной как у профессора Зайцева, но была не менее интересной и поглощала все время. И перспектива имелась: здесь могли дать рекомендацию в Марсианскую Академию Астробиологии.

Вчера под конец дня объявили виртуальную пятиминутку, после которой Фома Ильич, заведующий лабораторией, оставил перед собой только Андрея:

– У коллег проблема, в жилом поселке – нашествие гадюк.

Перед глазами возникла го-гра черной змеи с плоской головой, заметным шейным пере хватом и ярким кончиком хвоста. Вертикальные зрачки с нависшими надглазными щитками придавали глядевшей на Андрея морде злобное выражение. Побежало описание: «Тип – хордовые, класс – пресмыкающиеся, отряд – чешуйчатые, семейство – гадюковые, род – настоящие гадюки, вид – гадюка обыкновенная...»

Губы едва сдержали усмешку: «Гадюка Обыкновенная из рода Настоящих Гадюк семейства Гадюковых» звучало как имя отрицательного персонажа из детских мультикомиксов.

«В Евразии обитает от Сахалина до Великобритании, от Китая до Лапландии, от Адриатического моря до Баренцева. Предпочитает низкие температуры, но во многих местах распространение ограничено отсутствием подходящих нор. Не перемещается далее ста метров за исключением вынужденной миграции для зимовки. Неагрессивна. При появлении человека прячется. В летнее время иногда греется на солнце...»

Сейчас именно лето. Возможно, кто-то увидел пару выводков и принял за нашествие. Так бывает чаще всего: вместо того, чтобы на минутку погрузиться в поток и получить исчерпывающую информацию, люди навдумывают проблем, а специалисты вместо решения реальных задач на эту ерунду время тратят.

Ну, раз уж специалист – что там о выводках? Сколько змей рождается за один раз?

Андрей находился в одном из отданных ученым дальних отрогов пещеры. Помещения Кунгурского Биоцентра Наземной и Подземной Фауны, оправдывая название, частично располагались под землей. Впрочем, для совещаний в потоке было неважно, где находиться. Перед глазами открылась нужная страница: «Относится к живородящим, развитие яиц и вылупление детенышей происходит в утробе матери. В наших широтах потомство появляется в сентябре, от восьми до двенадцати молодых особей в зависимости от длины самки. Питается ящерицами, грызунами, лягушками, птенцами. Молодые змеи также употребляют в пищу насекомых».

От восьми до двенадцати. Итак, одна версия уже есть. Андрей пролистал общие сведения и сосредоточился на особенностях поведения.

«При дефиците нор и расщелин для зимовки в одном месте могут собраться сотни змей. Когда они расползаются, это создает впечатление большой скученности».

– Может быть, змей увидели, когда они выползли после зимовки? – предположил он.

Эта версия выглядела еще более правдоподобной. Большинство поступавших в биоцентр просьб о помощи вызывались человеческим фактором, а не природными явлениями.

Фома Ильич покачал головой:

– Гадюк видят сейчас, взрослых, много. Посмотри вот сюда.

Го-гра руководителя вновь сместилась влево, посередине возникла карта местности. Знакомый изгиб реки, лес на другой стороне, разбросанные вдоль берега и по холму зеленоватые пузыри...

Зайчатник!

Фома Ильич продолжил:

– Проблема ближе к нашему профилю, и коллеги просили помочь – у них все силы брошены на доводку немешариков. Ты же у Зайцева работал, у тебя там друзья остались? Заодно навестишь, в наше время люди вживую, бывает, до конца жизни не встречаются, о чем потом, надо полагать, жалеют. В общем, посмотри там, что к чему, завтра вечером жду отчет и рекомендации.

На птерике – три часа полета. Лететь не хотелось, но отказаться, когда на кону следующий этап – набор в Академию... В этом году направят кого-то одного. Андрей не хотел оставаться на Земле, отныне здесь его ничто не держало, а с Марса на астероиды и к спутникам Юпитера вслед за зондами отправлялись пилотируемые экспедиции, и ничего более грандиозного и желанного нельзя вообразить. Между мечтой и ее воплощением стояли несколько месяцев интересной работы... и полет в Зайчатник.

Яна – в коме. Мысли о ней давно остыли, боль ушла. Навещать не обязательно, и его поймут, если не пойдет. Но не встретиться с Вадиком не получится. Вадим Чайкин, «гениальный изобретатель, находка и надежда современной науки, создатель науки будущего» – как писали о нем в потоке, сделал несколько прорывных открытий, привлек дополнительных специалистов и одновременно резко скакнул в карьере – от руководителя отдела, связанного с живыми домами, до заместителя генерального, в каком-то качестве и оставлен на ближайшие полтора-два года.

Зайцев улетел в командировку – на Марс, лично сдавать в эксплуатацию первый из выросших поселков. Тот самый, где случилось несчастье. До формирования атмосферы, работы над которой шли уже четвертый десяток лет, с незваными гостями из космоса будет бороться противометеоритная техника – чрезвычайщики установили вокруг Лабиринта Ночи на плато Солнца, плато Синай и плато Сирия ракетные и лучевые установки ПМО. Трагедия больше не повторится. Также Зайцев опробует выведенного для Красной планеты заврюшу, над которым в свое время поработал и Андрей. Не просто поработал, а даже назвал – именно с его легкой руки внешне неуклюжий, но быстроногий «Объект ЭСТУБ\МДдМ-1» превратился в приятного ласкового «заврюшу». Официальные названия грешили корявостью и канцелярщиной и в разговорной речи вытеснялись прозвищами, прозвища затем уходили в народ, и зачастую ставшие общеупотребительными упрощения становились терминами. Так живые дома из-за их внешности и формата, под который они разрабатывались, стали немешариками – ушедшие корнями в землю, в каменистые трещины или в донный ил россыпи шаровидных помещений несколько не мешали природе и вливались в пейзаж как его неотъемлемая часть. В немешариках вместо помещения для гигиены – гигиенического узла, что прежде назывался санитарным – использовали слово «гиеник». Го-гра всего пару лет назад вытеснила более громоздкое «го-грамма», в свою очередь пришедшее в язык вместо голограммы. А «птерик» сменил уж совершенно неудобоваримое «всепогодное индивидуальное экологичное средство транспорта "модифицированный птерозавр ВИЭСТ\МП-1"».

Заврюша был результатом работы над новым направлением. Когда выводили птерика МП-второго (большей грузоподъемности) выяснилось, что людям нужны не только летающие, но и наземные существа-помощники с модифицированным телом и вживленными агрегатами и системами управления. Для Земли пока успели переработать лошадь (сделали более могучей и беспилотной) и таксу (она могла пробраться в недоступные для человека норы и тре-

щины). Впрочем, оба проекта большого распространения не получили, поскольку не предложили ничего прорывного.

Для Марса с его особенными давлением, атмосферой, температурой и силой тяжести потребовалось нечто иное. За основу опять взяли вымершего динозавра – существовавшие миллионы лет назад условия по составу воздуха и гравитации отличались от нынешних как раз в сторону марсианских. Заврюша полным именем величался «экологичное средство транспорта для использования в управляемом и беспилотном режимах "модифицированный динозавр для Марса ЭСТУБ\МДдМ-1"», и, как птерик, он предназначался для перевозки людей и грузов, существуя на подножном корме. Для этого на Марсе уже засеяли растения, специально созданные для питания будущего транспорта и, одновременно, чтобы дополнительно насыщать атмосферу кислородом.

Пока профессор испытывал на Марсе последнее творение Центра, руководил Зайчатником его «гениальный» преемник Вадим Чайкин, по прибытии обращаться с вопросами и предложениями следовало именно к нему. В таланте Вадика Андрей не сомневался, но с резким взлетом от стажера к исполняющему обязанности генерального было что-то нечисто. При Андрее Вадик сильно не выделялся. Если все так, как говорят, то трагедия Яны как-то подтолкнула приятеля, и перед ним открылись новые, неведомые прежде горизонты. Как сообщали данные из потока, после ухода Андрея Чайкин взвалил на себя обязанности целого сектора, затем возглавил отдел, упросив взять лучшего из молодых нейропсихологов, за которым профессор даже лично летал по институтам. Старое поколение, утверждал Вадик, работает хорошо, но трудно принимает новое. Чтобы наполнить стакан, он должен быть пуст. К авторитетам в науке Вадик относился пренебрежительно, многие цитировали сказанное им на конференции по изучению мозга: «В прошлом веке говорили: "Голова – предмет темный и исследованию не подлежит". Здесь я убедился, что ничего не изменилось».

Немешарики уже закрепились в двух стихиях и на двух планетах, и не за горами были новые модификации. Птерики сотнями тысяч отправлялись из питомников заждавшимся заказчиком. Заврюша при успешном испытании станет для марсиан тем, чем для землян в течение тысячелетий была лошадь, а затем покорит и другие миры, куда люди еще только добираться. Но чем бы Вадик ни занимался, в первую очередь его голова работала над одним: искала способ победить кому.

Встретаться с ним не хотелось. Но как отказаться или хотя бы перенести, чтобы (а вдруг?) командировкой к соседям за это время заинтересовался кто-то другой? Могла бы подкачать погода, но она словно издевалась: свежий ветерок лишь ублажал, а солнце жарило по-летнему, будто дело происходило не на Среднем Урале, а где-нибудь в Гоби.

Андрей вылетел затемно, чтобы успеть к началу рабочего дня, но когда глазам предстали россыпи соединенных переходами комнат-пузырей, свернул к реке и устроил рыбалку. Ноги сжимали пушистое тело, с длинной шеи и заглатываемой рыбины летели брызги. Птерик Андрея был достаточно взрослым, уже с кожистым гребнем, на земле он неуклюже переваливался на четырех конечностях, но на деревьях и на скалах показывал чудеса ловкости, быстро карабкаясь с помощью пальцев на крыльях, а в воде чувствовал себя еще свободнее – перепонки на ногах служили ластами, тело при этом скользило в плотной среде, как у пингвина. А в небе...

Это была его стихия. Птерик не махал крыльями, как бешеная утка, в полете они плавно изгибались – по короткой дуге, без рывков. Летать на нем – одно удовольствие. И намного безопаснее, чем на любой технике. Экзоскелет и реактивный ранец не дадут разбиться, да и птерику падение ничем не грозит – за несколько дней его восстановят в прежнем виде при любых повреждениях.

Внизу извивалась серая лента реки, похожая на старинную автотрассу, слева простирались заросшие хвойным лесом предгорья, вправо уходил поселок, обрамлявший ажурные полупрозрачные корпуса Центра с причальной вышкой для дирижаблей.

В поселке было удивительно безлюдно. Лишь одна девушка-купальщица взбивала перед собой воду быстрыми гребками, темные волосы свисали на плечи мокрыми прядями, на спине виднелся карман-наклейка, из него торчали водоступы – до плавания она, видимо, бегала по воде. Девушка заметила чужака и приветливо помахала рукой. Андрей тоже помахал и, собравшись духом, повернул птерика к самому высокому из лабораторных корпусов.

По периметру края видимости мигнул виртуальный сигнал опасности, в накрытых шлемом ушах раздалось:

– Срочная эвакуация. Немедленно покинуть зону живых домов на расстояние пятьдесят километров. В дома не входить. Красный уровень опасности.

Красный уровень? Такого не бывало уже пару поколений.

Птерик тоже получил сигнал и удивленно косился на седока: «Разворачиваться? Жду подтверждения».

Если эвакуация объявлена из-за змей, то это смешно. Накожная защита не даст яду проникнуть внутрь, а если произойдет невозможное, и яд подействует, с такой незначительной проблемкой организм справится самостоятельно, даже визит в восстановитель не потребуется. Главное – не наступать на гадюк и не провоцировать их. Они сами боятся, человек для них – опасность номер один.

Вслед за общим оповещением раздалось личное:

– Андрей Сигал, вы находитесь в зоне эвакуации. Ввиду особых обстоятельств Отдел Чрезвычайных Ситуаций просит разрешения подключиться к вашему чипу.

Чипами с некоторых пор называлась вся компьютерная техника – все, что помогало взаимодействовать с мировым потоком информации. Чипы были у людей, у модифицированных и, по возможности, у обычных животных, почти у всех вещей, которые окружали, и, само собой, у техники. Человеческий чип вживлялся вскоре после рождения, и растущий ребенок сразу учился жить с умными вещами и техникой в мире и гармонии.

– Даю согласие, – ответил Андрей.

Возникло ощущение, что в его очки втиснулся еще кто-то. Голова захотела повернуться и осмотреться. Этого захотел тот, кто подключился. Андрей вновь согласился, а чтобы помочь, заставил птерика сделать круг.

– Не приближаться к поселку! – вновь загремело в ушах.

Андрей огляделся. Внимание чрезвычайщиков привлекла купальщица, перед глазами замелькали данные: Милица Дрогович, девятнадцать лет, нейропсихолог, сотрудник Центра Перспективных Разработок, не замужем, интересы разнообразные, классификация по двоичной системе – единица, выбранный статус: «Через тернии – к звездам».

Своих данных девушка не скрывала, даже статус для любопытных вписала, чтобы как-то себя охарактеризовать. Понятно: молодая и незамужняя.

Ее анкету мысленным приказом вызвал Андрей, чрезвычайщикам этого не требовалось, они, наверняка, уже просканировали местность и знали, кто есть кто и где находится.

– Вызывать птерика или технику из поселка опасно, – продолжил голос в шлеме. – Ваш птерик первой модификации, но двоих выдержит. Необходимо как можно скорее вывезти всех из закрытой зоны. Просим передачи управления.

– Разрешаю, – подтвердил Андрей и крепче вцепился в седло.

Послушный чужой воле птерик завалился на левое крыло и с чудовищным креном по дуге настиг купальщицу. Ее чип принял сигнал тревоги, но натальных средств связи у девушки не было, и пока она доставала трансформированные в браслет очки, птерик Андрея уже завис над ней, как дракон над добычей.

– Эвакуация? – крикнула она из воды.

Очки, наконец, заняли место на ее переносице, и отвечать не потребовалось – все высветилось у нее перед глазами.

Птерик с шумом плюхнулся в реку, крылья сложились, шея послушно опустилась. Андрей протянул руку:

– Хватайся.

В полоске очков на лице и сине-черных полосках купальника, похожего на рисунок, девушка выглядела хрупко и мило, скорее, по-домашнему, и, в любом случае, никак не для полетов. Если бы не приказ чрезвычайщиков...

Андрей помог ей перебраться себе за спину и скомандовал взлет. Кожистые крылья ударили по воде. Набор высоты вышел долгим и трудным, в какой-то миг даже пришлось поволноваться. Птерик рассчитан на одного, об этом сказано в самом названии: ВИЭСТМП-1, где буквы И, С и Т означают «индивидуальное средство транспорта». Девушка была легкой, около сорока пяти килограммов, и вместе с пятидесятишестикилограммовым Андреем они не превысили предельно допустимой нагрузки, но птерик к такому режиму не привык. Крылья молотили воздух, как у птицы, при каждом взмахе тело подбрасывало, за этим следовал резкий провал. Пассажирка по всем правилам безопасности прижалась к спине Андрея, тонкие руки крепко обхватили его шею, а ноги скрестились и переплелись ступнями в замок у него на животе – теперь при падении или жесткой посадке защита работает для двоих.

– Милица, – донеслось сзади. – Но ты в шлеме, значит, уже знаешь.

– Андрей, – проявил он ответную любезность.

Знаешь или не знаешь, а представиться при первой встрече – обычная норма вежливости.

Кстати, выяснилось, что ударение делается на первом слоге. В написанном виде это непонятно, и Андрей сказал бы по-другому, в более привычном варианте.

– В анкете указано «Эндрю».

Вечный вопрос.

– Это старые данные, после переезда родителей мое имя для удобства сменили на местное.

Набравший высоту птерик стал разгоняться, крылья загудели от ветра, и Андрей снизил скорость до минимальной. На пассажирке нет ни шлема, ни костюма, и при ста с лишним километрах в час полет вряд ли доставит ей удовольствие.

Против небольшой задержки чрезвычайщики не возражали. Навстречу от ближайшей горы уже летел транспортный дискоид, его круглая крыша раскрылась и при выравнивании скоростей впустила птерика в тесное нутро. Дискоид сразу лег на обратный курс.

Внутри пахло пластиком и, от гудевших электродвигателей, жженым графитом. Уже несколько лет такие аппараты почти не использовались из-за большого потребления энергии, и после свободы полета на живом птерике оказаться замурованным в вонючую консервную банку...

Андрей поморщился. Милица, судя по всему, чувствовала то же самое – перед тем, как жесткая сцепка ее ног и рук разорвалась, у девушки передернулись плечи и она зябко поежилась – никак не от холода, потому что в грузовом отсеке, где они оказались, не сквозило и уж тем более не морозило. Птерик сложил крылья и опустился на четыре конечности.

После закрытия секторной крышки распахнулась дверь, спешившихся Андрея с Милицей встретили отделенные прозрачной перегородкой люди в форме и с оружием. Такого не бывало давненько. На памяти Андрея – никогда. Униформа – предмет гордости космонавтов и представителей других героических профессий, а также курсантов – бывало, что некоторые выбирали профессию исключительно из-за формы. Чрезвычайщики в обычной жизни форму не носили; кроме близких и тех, с кем пересекались по делам, никто не знал, где они работают. Сейчас на них были серые бронированные костюмы со шлемами, непроницаемые даже для

ядерного взрыва. В руках – настоящее оружие, лучевое, то есть рассчитанное на уничтожение противника вплоть до последнего занесенного микроба. Чувствовалось, что оружие могут применить.

По телу прокатился озноб, коленки задрожали. В том, что случилось в зоне эвакуации, виноваты не змеи. А если змеи, то виноваты очень-очень, настолько, что Андрей представить себе не мог.

Милица непроизвольно прижалась к его плечу:

– Что происходит?

Ее лицо окаменело, кожа вспухла пупырышками.

– Я знаю не больше, чем ты. Думаю, сейчас нам все объяснят.

Не объяснили. Из-за перегородки люди в форме указали оружием на два узких цилиндрических отсека, судя по виду и размеру – медицинские капсулы.

Голос в шлеме обрел хозяина: перед глазами возник крепкий мужчина лет пятидесяти-ста, с гривой длинных волос – темно-серых, с прожилками проседи. Особенно удивили пышные усы с закрученными вверх уголками – так не носили уже лет двести, с начала двадцатого века. Вместо формы на мужчине была обычная рубашка в полоску, но личная информация сообщала о принадлежности к той же системе, причем на самом высоком уровне: «Координатор чрезвычайного блока Кривов Г.И». Возраст выдавали чуть округлившийся овал лица и взгляд: усталый и мудро-снисходительный к окружающим, которых повидал всяких и, на беду себе, насквозь, отчего даже самый отъявленный и закоренелый оптимист обычно погружается в пессимизм навечно. Этот взгляд бегло просканировал Андрея, замерев на миг, когда глаза встретились, и Андрей вздрогнул – ощущения походили на восстановление зуба с отключенной самоанестезией.

Координатор почесал нос и сказал всего одно слово:

– Дезинфекция.

Прозрачные люки отсеков открылись, внутри вспыхнул бледный голубоватый свет.

Глава 2. Гаврила Иванович Немешарики, смыжи, дирижер

Чувствуя, что опять чешет нос, Гаврила Иванович резко отдернул руку. Дурная привычка пришла из детства: когда мозг сосредоточивался на чем-то, пальцы сами тянулись к носу. И никак не избавиться: ни самовнушение, ни помощь специалистов результатов не дали. Вот тебе и властитель Вселенной, венец природы – человек уже на освоение спутников дальних планет замахнулся, а отвыкнуть трогать свой нос не может.

Гаврила Иванович сидел за столом в домашнем кабинете – время для командировки к месту событий еще не пришло. Возможно, что и не придет. Хорошо бы, чтоб не пришло. За окнами – старинными, во всю стену, с обычными стеклами – гнулись под пронизывающим ветром замысловато изогнутые березы, покрытые мхом и похожие на ударенных током стоногих пауков. За ними, через продуваемый с моря утес, в укрытой между скал низине прятались посаженные отцом сосны. Настоящие сосны – прямые, плотно жавшиеся друг к другу, с шумящими в вышине кронами, а не кривые и укороченные, как все растущие здесь, на Рыбачьем, деревья. Дом Гаврилы Ивановича был единственным жилым сооружением на севере полуострова, в одну сторону раскинулось серое море, с другой окружали и уходили до самого горизонта цветные в это время года сопки. В небе вились горластые чайки, на западе в мрачной туче сверкало – где-то далеко, в Норвегии, бушевала гроза. Кабинет располагался на третьем этаже, сразу над спальней и террасой, выше – только крытый насест птерика и посадочная площадка дискара, причем сам дискар стоял за утесом, чтобы не портить живописный вид нелепой стальной искусственностью, а по вызову прилетал раньше, чем Гаврила Иванович поднимался к выходу по лестнице или в лифте. Птерик тоже не сидел на месте, его крылья то и дело мелькали среди внешне корявых, но таких красивых причудливых берез. Снизу поднимался одуряющий запах пирога – жена ждала на завтрак и нехитрым способом намекала, чтобы освобождался быстрее. Она ждала уже долго. Леночка – умница, понимает, что если он не спускается, то беспокоить не следует. Жена координатора – тоже ответственная должность, пусть и нештатная. Не каждый справится. Лена справлялась отлично, а кроме этого умудрялась еще консультировать в потоке по семейным вопросам и вести кружки североведения.

На миг задумавшийся о жене, Гаврила Иванович стер с лица блаженную улыбку и поочередно подкрутил большим и согнутым указательным пальцами пышные усы. Кстати, тоже глупая привычка, но, в отличие от чесания носа, совсем не детская. Но приятная. И со стороны, говорят, смотрится внушительно и серьезно.

– Чем занимался Центр Перспективных Разработок в настоящее время?

Вся информация была перед глазами, и если вопрос прозвучал – требуется личное мнение. Собеседник понял правильно.

– Я там уже не работаю, – ответил Андрей, – но за деятельностью слежу. Будущее – за сближением человека и природы, Максим Максимович выбрал два главных направления: модификация клонированных птерозавров для получения индивидуального транспорта в управляемом и беспилотном вариантах, и живое жилье. То и другое, как вы знаете, получилось.

– Оба осуществленных проекта имеют общие генетические корни?

– Нет.

– Вы уверены?

– Да.

Гаврила Иванович добавил в голос жесткости:

– Ответ на этот вопрос имеет значение для безопасности человечества. Повторяю: вы уверены или вам кажется, что да?

– Уверен. – Андрей откинулся на спинку кресла.

Для содержания эвакуированных строить специальное помещение не стали, чтобы не доводить до разбирательств с экономическим блоком. Сейчас, пока проблема не решена, у чрезвычайщиков руки развязаны, полный карт-бланш, но позже, при «разборе полетов», им выпишут по первое число за каждую мелочь. Обидно. Когда нужно рисковать жизнями или принимать трудные решения, экономщики остаются в стороне, а когда опасность в прошлом – именно они оказываются главными. Задним числом указывают на огрехи и ухмыляются: вы, мол, у нас еще и не так попляшете.

Но сейчас дело касалось их координатора. Если на корабле что-то случается с капитаном, команда не ждет окончания расследования, она подключается к нему, потому что иначе не может. Любой из четырех блоков правительства – это именно такая спаянная команда. Значит, на этот раз контроль будет тотальным.

Обоих эвакуированных разместили за границей зоны в медицинских модулях-«излечбниках». Внешне медкапсулы походили на обычные транспортные, в которых люди без пересадок передвигались по планете всеми видами общественного транспорта: «жабами»-дирижаблями, «надводниками»-экранопланами, «страшилами»-стратошаттлами (впрочем, молодежь из-за обтекаемой формы называет их теперь просто «шило») и по подземным и подводным транспортпроводам, в просторечии – «трубам».

Анализы показали полную чистоту, но на всякий случай вывезенные из закрытой зоны объекты номер один и номер два прошли дезинфекцию и остались в карантине. Исключительная ситуация требовала исключительных действий. Допрос объекта номер два, как и, до того, объекта номер один, велся дистанционно, Гаврила Иванович видел Эндрю Сигала (в России – Андрея) целиком, помимо этого на очки выводилась каждая реакция мозга и тела собеседника с дешифровкой в понятные рекомендации.

– Немешариками засеяна уже половина планеты. – Гаврила Иванович снова подкрутил усы. – Как вы думаете, в них остались какие-нибудь недоработки?

Андрей Сигал – высокий голубоглазый парень двадцати двух лет, с чубом черных волос по последней моде и чуть хрипловатым голосом, над которым, видимо, дополнительно поработал – от природы таким не похвастаешься, защита организма при первом же проявлении сочтет за дефект и немедленно исправит. Снятые экзоскелет со шлемом лежали на полке, Андрей настороженно сидел рядом с «гробом» восстановителя в кресле для отдыха, где чаще находились не пациенты медицинских модулей, а переживавшие за них родные и близкие. Стоять в похожей на вытянутую цистерну капсуле высота позволяла только в центральной части, поэтому очень высокие люди, к которым в полной мере относился объект номер два, берегли головы и предпочитали сидеть.

– Недоработки с какой точки зрения: безопасности для человека и окружающей среды, скорости роста, удобства проживания, адаптации к неподходящим условиям или функциональности? – спросил Андрей.

Почувствовав, что рука опять тянется к носу, Гаврила Иванович поднялся из-за рабочего стола, сложил руки за спиной и зашагал по занимавшему весь третий этаж кабинету взад-вперед. Допрашиваемый видел только лицо, задний фон не передавался, и неудобств для восприятия это не доставляло:

– Вы правильно определили приоритеты, в первую очередь меня интересует безопасность.

– Сомнений в ней не осталось уже лет десять назад, и когда я прибыл в Центр после учебы, профессор с семьей долгое время жили в опытном образце. Все возникшие проблемы к тому времени были решены, и нам, стажерам, как и всем сотрудникам, со временем выделили по такому же дому.

– Расскажите о немешариках своими словами, как видите их вы – один из разработчиков, который занимался проектом изнутри.

Андрей пожал плечами:

– Живой дом – искусственный организм, продукт генной инженерии и нанотехнологий, в нем совмещаются особенности растения с возможностями вживленной техники. Он обладает зачатками разума в пределах, которые достаточны для выполнения простейших команд. Причинить вред человеку не может ни прямо, ни косвенно – это заложено изначально в качестве базиса, без которого надстройка не работает. Если понадобится, живой дом пожертвует собой ради человека.

– Вы уверены? – перебил Гаврила Иванович.

– Это доказано многолетними испытаниями. Незаселенный дом будет скучать и может захиреть. К хозяевам он привязывается, но не как животное.

– Поясните.

– Не выделяет одних в ущерб другим, а любит всех. Но собственных жильцов – особенно. Радует, когда они дома. Старается сделать пребывание внутри приятнее: выращивает любимые фрукты, знает предпочтения в температуре, влажности, освещении и видах «за окном», и делает это не механически, как чип с заложенной программой, а как родственник, который давно вас не видел и теперь, наконец, заполучил в гости.

– Существует ли вероятность, что немешарик примет в отношении жильцов самостоятельное решение, которое он будет считать благом, а не деле результат окажется противоположным?

– Нет, причем категорически. Живой дом может многое, но принимать ответственные решения – дело человека. Когда в абсолютной безопасности жилья будущего убедились, посева заняли огромные площади – вы сами знаете, что очереди растянулись на годы, и, наверняка, тоже состоите в одной из них, скорее всего, в ведомственной. Для тех, кто по работе не может находиться в благоприятных земных условиях, живые дома приспособили к существованию в агрессивной среде. Когда я еще работал в команде Зайцева, мы под водой боролись с избыточным внешним давлением, на Марсе – с внутренним, а также с радиацией, невероятными перепадами температуры и сниженной в несколько раз гравитацией. Правильно настроенный дом может расти где угодно и везде сделает все, чтобы жильцы были довольны и счастливы.

Гаврила Иванович заметил в рассказе странную особенность:

– Почему вы почти не используете устоявшееся название «немешарик»?

– Не знаю. – Андрей уставился в потолок, задумываясь, как именно он называет живые дома и почему. – Действительно. Наверное, потому что не мешать природе – лишь одно из качеств, это как принтер назвать кухонной плитой или мастерской по изготовлению дроидов. Живой дом – друг человека. В некотором смысле – соратник. Делать человека счастливее – смысл его жизни.

– А если в его категориях растения это счастье окажется не таким, каким счастье видят люди?

– Еще раз говорю: это невозможно. Живой дом – придаток человека. Как птерик.

Перед глазами Гаврилы Ивановича бежали данные, собранные операторами. Ничего нового. Связи, родственники, друзья, интересы, путешествия, работа... Все как у всех.

– Зачем вы приехали в Центр сегодня утром?

Андрей вздохнул.

– Командировка по запросу от руководства Центра, детали можете узнать в Кунгурском Биоцентре у Фомы Ильича Ракова.

– Во сколько вы прибыли?

– Без десяти восемь. Пролетел над рекой, и сразу последовал сигнал об эвакуации.

– Что вы видели?

– Ничего странного, все как обычно: здания лабораторий, поселок, девушка в реке... А все же: что случилось?

Андрей во второй раз задавал этот вопрос. С этого вопроса начался их разговор. Гаврила Иванович во второй раз ответил:

– Прошу сначала поделиться вашими фактами и мнением, сейчас важна каждая минута, если не секунда. Нужная информация может содержаться в незначительной подробности, поэтому прошу отвечать развернуто и обращать внимание на каждую мелочь. От ваших ответов зависят жизни людей.

Последняя фраза прозвучала слишком пафосно, Андрей поморщился:

– Если бы я знал, что произошло, мне было бы проще понять, что именно...

– Не проще, – перебил Гаврила Иванович. – Итак. Для чего вы прибыли? В нескольких словах. С Фомой Ильичом мы поговорим позже, отдельно.

– В поселке вокруг Центра расплодились гадюки.

– Защита организма обезвреживает укусы всех существующих змей. Это особые гадюки? Модифицированные?

– Ответить смогу, когда увижу собственными глазами и пощупаю трикодером. Из того, что мне известно, о какой-либо особенности змей ничего не говорит.

– Они кого-нибудь укусили?

– Таких данных у меня тоже нет. Если и кусали, то укушенные об этом в потоке не сообщали, их чипы сигналов опасности не посылали.

– Что вы знаете о последних разработках Зайцева и его сотрудников?

Андрей прищурился:

– Я уже отвечал на этот вопрос.

– Тот вопрос был об общей направленности работ Центра, сейчас я спрашиваю о частностях, включая слухи и случайные оговорки.

– У вас есть информация из потока, где вы можете узнать все, что знаю я.

– К сожалению, не все. Часть информации была уничтожена. Доходили до вас какие-нибудь новости в личном порядке?

– Нет.

– Что можете сказать о коллективе?

– Только хорошее. Большинство – ровесники Зайцева, начинали с ним и прошли весь путь от идей и первых неудач до успеха и мирового признания. А молодежь соответствует заданным старшими высоким стандартам.

– Вы словно передовицу на главную страницу пишете. Прошу говорить проще, канцелярский язык и штампы – способ запутать или что-то скрыть. Выделялся ли кто-нибудь некими особенностями?

– Нет, – буркнул Андрей, уязвленный подозрением, что он что-то скрывает.

– Многие слышали, как Вадима Чайкина, замещавшего Зайцева в его отсутствие, в частных беседах Яна Чайковская называла Джонни. Почему?

Андрей удивился.

– Ни разу не слышал.

– Примите как факт и попробуйте найти ответ.

Андрей наморщил лоб, закатил глаза и прикусил нижнюю губу. У него это, видимо, такие же сопутствующие признаки сосредоточения, как у Гаврилы Ивановича – чесать нос.

– Джонни, Джон, Иоанн, Ян... Логичнее, если бы Вадик так называл Яну. Свидетели не могли ошибиться?

– Ошибиться может любой, но существует критическая масса, после которой предположение становится фактом.

– Двести лет назад теплород считался фактом. – Андрей улыбнулся одними глазами. – А эфир шел в таблице Менделеева первым химическим элементом. Тогда это были факты.

– Не отвлекайтесь. Сейчас я задам личный вопрос, просьба не уходить от ответа. Насколько нам известно, вы с Вадимом Геннадьевичем Чайкиным были друзьями детства, напарниками в играх квазиреальности, вместе учились и полюбили одну девушку. Она выбрала вашего друга. Как это повлияло на ваши отношения?

– Я сменил место работы, и мы перестали общаться.

– Вы все еще любите ее?

– Уже нет. Чувства угасли. Во-первых, и это главное, она выбрала другого. Еще сыграло роль, что Яна перестала быть человеком в традиционном понимании, она превратилась в растение, в нечто вроде живого дома – ты его видишь, ты знаешь, что он живой, но он не человек. Если бы Яна выбрала меня, возможно, мои чувства были бы другими, но сейчас для меня Яна и Вадим – бывшая любовь и бывший друг.

– Вы могли бы осознанно сделать что-то, что навредит вашему бывшему другу?

Андрей посмотрел на Гаврилу Ивановича так, будто тот прибыл из прошлого века:

– А вы?

«Относись к ближнему как к себе» сидит у него в подкорке. Люди, которые думают по-другому, встречались, их единицы, они скрывают свой образ мышления, но они есть. О них знают, и они знают, что находятся под контролем, поэтому проблем с ними не бывает – установившиеся моральные нормы выполняются даже в случае несогласия, иначе в обществе не выжить. Андрей Сигал, к счастью, даже не догадывался, что возможны варианты.

– С кем из сотрудников Центра поддерживаете отношения?

– Ни с кем.

– Но в потоке за новостями о Центре следите?

– Это по работе. Наш биоцентр – филиал Зайчатника, наши успехи зависят друг от друга.

Следующий вопрос прозвучал спокойно, как очередной из серии столь же незначительных.

– Расскажите о смыжах. – Ударение в необычном слове сначала было сделано на первом слоге, затем на втором: – Или правильно говорить «смыжИ»?

Веки Андрея хлопнули, лицо вытянулось:

– Рассказать о чем?

– Откуда вы знаете, что «о чем», а не «о ком»?

– Хорошо, о ком?

Давление, пульс, психические характеристики – в норме. Андрей действительно не знает. На всякий случай надо зайти с другой стороны:

– Разве вы ничего не слышали о смыжах?

– Нет.

– Не встречали это слово в планах или отчетах, не слышали в случайных упоминаниях?

– Никогда.

Гаврила Иванович вздохнул. Жаль. Это была ниточка. Странная, непонятная, но все же. Теперь нет и ее.

Андрей в очередной раз не выдержал:

– Может, вы все же расскажете, что случилось?

– На Марсе пропал академик Зайцев. Он никуда не выходил и исчез среди ночи в живом доме собственного изобретения за день до торжественного заселения туда марсиан. Просто исчез. Бесследно. Ни один датчик не сработал, ни одна служба не запеленговала никаких перемещений. Внутренний чип одномоментно заглушен. Мы решили связаться с супругой Максима Максимовича, но ее метка, которая показывала, что Раиса Прохоровна находится дома, тоже исчезла. Мы проверили остальные дома...

Судя по лицу, Андрей уже понял. Он хотел что-то спросить, но Гаврила Иванович продолжил:

– Этой ночью исчезли, за одним исключением, все жители поселка. Все, кто ночевал в живых домах, одновременно с Марсом.

– А в Баренцевом море?! – выдохнул Андрей с надеждой.

Подводная станция у острова Колгуев – второе, после Зайчатника, место, где немешарики успели заселить.

– Тоже. Вы можете это объяснить?

Было видно – не может. Датчики состояния сообщали, что объект номер два близок к шоку.

– Пропали все сотрудники Зайцева кроме Милицы Дрогович, – добавил Гаврила Иванович. – Мы удивились, когда обнаружили ее метку в реке.

– Почему она...

– А ваше мнение?

Андрей несколько секунд кусал губу.

– Может быть – возраст? Остальные сотрудники намного старше.

– Вадим Чайкин и Юлия Потанина были старше всего на несколько лет.

– Вадик тоже?! Ах да, вы сказали «все»... А Яна?

– Тоже.

– И все же Милица младше всех. Возможно, существует некий возрастной порог. Скажем, двадцать лет – и все, кто старше, исчезают...

– Почему и как?

– Чрезвычайщики – вы, и это вас я должен спрашивать.

– Со временем ответим. Пока хотелось бы выслушать ваше мнение.

Андрею на ум пришла новая версия, но она ему не понравилась. Парень замялся, глаза стали буравить пол.

– Говорите уж, – по-доброму выговорил Гаврила Иванович.

– Милица могла остаться в живых, потому что замешана в произошедшем.

– Поэтому мы не дали ей возможности вернуться домой или воспользоваться собственным птериком – неизвестно, что могло произойти в этом случае. Никто не говорит, что Милица виновна, но исключать ничего нельзя. Пока ясно только, что живые дома представляют опасность. Тип угрозы неизвестен, способ воздействия и механизм использования тоже неизвестны. Нужно собрать как можно больше информации обо всем, что связано с проектами Зайцева, и о его сотрудниках. Вспомните еще раз: бросилось ли в глаза что-нибудь необычное?

– Когда я прилетел, поселок выглядел безлюдно, хотя в это время снаружи должно быть столпотворение: утренние зарядки, пробежки, купания... Почему-то я не обратил на это внимания, голову занимали мысли по работе.

Гаврила Иванович кивнул:

– Спасибо. Как будет, что добавить – зовите. Пользоваться потоком можно без ограничений, но извещаю, что контакты, адреса и контент до окончания расследования отслеживаются.

Перед тем, как вновь вызвать объект номер один, Гаврила Иванович заказал кофе, принтер услужливо разинул пасть, из выдвинувшейся чашки в нос, от которого вновь спешно убралась рука, ударило бодрящим ароматом.

Вкус не разочаровал, но что-то в подсознании упрямо твердило: выращенный на ветке, вручную перемолотый и лично сваренный кофе был бы лучше. Химический и биологический анализы подтвердят, что разницы никакой, но внутренний голос логикой не заткнешь, у него на все есть собственное мнение. Самое странное, что иногда, вопреки как общему мнению, так и неопровержимым аргументам и казавшимся непробиваемыми фактам интуиция оказывалась права. Иначе Гаврила Иванович не занял бы пост, который сейчас занимал. А занимал

он его по праву – предыдущие дела решались с блеском и изяществом, которые сотрудники воспринимали как нечто волшебное, не без «вмешательства свыше». Даже кличку придумали: Колдун. В хорошем смысле. Если такое возможно.

Как бы то ни было, в устах окружающих «Колдун» звучало благоговейно, вызывало священный трепет и желание подчиняться. Большого не требовалось, хотя собственные заслуги Гаврилы Иванович считал, скорее, удачей, чем успехом, а эффективность – результатом работы всего коллектива. Координатор, которого он сменил на посту, сказал, что именно это ценят люди со стороны начальства – признание и поддержку. Быть руководителем и отвечать за других не хотел никто, прав это не давало никаких, а дополнительной ответственности – вагон и маленькую тележку. Умение начальствовать – это природный дар, подкрепленный опытом, знаниями и отношением к людям. У Гаврилы Ивановича, как выяснилось, все это нашлось в нужном количестве.

«Руководитель должен быть суровым и справедливым, – сказал ему бывший координатор, уходя с поста после единственной совершенной ошибки. – Справедливым, но суровым. Но справедливым. И так далее». На таком посту одна ошибка – уже больше чем нужно. Высшие полномочия в моменты, когда нельзя терять ни секунды, подразумевают приказы о немедленных действиях без объяснений. С последующим отчетом перед контролерами и представителями других блоков. Но пока опасно, именно чрезвычайщики берут на себя власть и ответственность. Их глава – координатор, и все шишки, в случае чего, сыплются на него. А если ситуация аховая, сыпать шишки может оказаться некому. Потому и назывался блок чрезвычайным. Его первый уровень, тактический, контрольно-исполнительский – операторы, второй, стратегический, разбитый на сектора и связанный с планированием и ответственностью за первый уровень – диспетчеры, а на третьем, на вершине пирамиды, всего один человек – координатор. Он – как дирижер в оркестре. Каждый знает свою партию, кто-то играет лучше, кто-то хуже, у кого-то инструмент плохой, а новый только в производстве или вообще еще в разработке... А конечный спрос за музыку – с дирижера.

А как замечательно начиналось утро. Сегодня, как и всегда, Гаврила Иванович проснулся рано, без всяких внутренних будильников – не понимал эту молодежную блажь. За окном на светлом небе – ни тучки, серое море вдаль катило грозные волны на покрытые мхом, травой и цветами скалы, солнце из нижней части пошло на новый круг. Точнее, на новый эллипс: полярный день стоял в самом разгаре. Гаврила Иванович осторожно поднялся, чтобы не разбудить жену, и направился в гиеник – установленное полгода назад и все еще непривычное чудо биотехники. Придуманный как часть немешарика, полные испытания гиеник завершил намного раньше и уже заменил санузлы во многих стандартных помещениях. Особенность гиеника в том, что он живой. Не модифицированное животное, конечно, а растение со встроенными возможностями: подать воду, выпить лишнее, сделать прическу или массаж...

В нужный момент по мысленному приказу обдало паром и горячими струями, рабочие щупальца исполнили роль веников и мочалок, затем высушили, собрали отмытые волосы в хвост, чтобы не мешали: в любую погоду, летом и зимой, каждое утро начиналось с пробежки. Покинув теплый мох гиеника, Гаврила Иванович прошел через шкаф-рамку, на миг окутало искрящееся сияние, с шипением на бедрах возникли спортивные трусы, и прямо через террасу Гаврила Иванович выбежал наружу.

Трехэтажный дом построил еще отец, и за полвека внешне здесь ничто не изменилось: то же округлое сочетание стекла и переливавшегося на солнце пластика, удачно вписавшееся в серый пейзаж прибрежных скал. Когда-то сюда вела наезженная колея для наземного транспорта, сейчас от нее не осталось следа. На всем полуострове – несколько частных домов и старинный маяк, почему-то ярко-розового цвета. Маяк высился далеко на западе, из дома его не видно. Гаврила Иванович побежал на юг, вглубь полуострова. Над головой кругами, иногда заслоняя солнце, с клеткотом носился птерик Брр-Босс: «Хозяин, давай куда-нибудь полетим!»

Увы. Куда на нем летать? Чуть было не отдали за ненадобностью, если бы не один случай: птерик выручил в миг, когда техника подвела, а нервы не выдерживали ожидания – друг оказался в беде. Тот случай так и остался единственным, и когда не требовалось мчаться сломя голову по делам на дискаре или шаттле-«страшиле», Гаврила Иванович предпочитал собственные ноги.

Маршрут привычный: вокруг сопки в низинку к соснам, где ждало очередное упражнение – взбегание по деревьям. Достигнув первой высокой сосны Гаврила Иванович взялся ладонями за ствол, ступни уперлись перед собой, и, перебирая вытянутыми руками и согнутыми ногами, он резво взбежал до раскачивавшейся кроны.

Чем тоньше ствол, тем удобнее взбегать, но тонкий значит хрупкий, а это грозит незапланированным полетом и последующим восстановлением. Работа будет простаивать. Это недопустимо. Класс взбегальщика определялся точным выбором дерева. Метод придумали и тысячелетиями применяли для собирания фруктов и орехов туземцы Полинезии, но только сейчас он стал модным поветрием и оказался по вкусу многим.

Трех деревьев на сегодня хватит. На последнем Гаврила Иванович сделал передышку: уселся на широкой ветви и с наслаждением свесил ноги.

По лбу тек пот. Сейчас люди не любят пот, настраивают защиту организма, чтобы удаляла заблаговременно и не доводила до запаха. Но настоящий пот вместе с радостной болью перегруженных мышц и вылеском адреналина – это же счастье в чистом виде, его концентрат. А пот любимого человека? Кто не понимает, о чем это, тот вообще ничего в жизни не понимает.

Как же хорошо вот так сидеть на высоте, глядя на мир с его проблемами сверху вниз. Гаврила Иванович прислонил голову к жесткой коре и поднял взгляд к небесам.

Неужели ему уже семьдесят?

– Гаврила Иванович? – раздалось из нательного устройства связи, с которым каждый чрезвычайщик не только бегал, но даже спал.

Доложили о случившемся на Марсе. Добили информацией о Зайчатнике и подводной станции. И понеслось.

Чтобы быстрее попасть домой, пригодился птерик – он вцепился четырьмя конечностями в соседнее дерево и щерился оттуда двумя пилами острых зубов. Это он так улыбался. Перенял у людей. Теперь, счастливый, несся обратно, чувствуя во вживленном седле тело хозяина – то есть, занимался делом, ради которого жил на свете.

Ну, хоть кому-то хорошо.

Итак, с получившими одобрение живыми домами что-то пошло не так. С новыми изобретениями такое не впервой. Но не с прошедшими все проверки, и не настолько серьезно.

Новые технологии не сразу достигали желанного уровня комфорта и безопасности, беды с изобретениями бывали и раньше, одна гениальная инженерия чего стоила: сколько людей погибло или превратилось непонятно во что, пока справились с причинами и отладили последствия. С тех пор от некогда популярной телесной модификации в пот бросало. Помог принцип относиться к ближнему, как хотел бы, чтобы относились к тебе. Совершившие модификацию делали хорошо себе (ну, или думали, что делали хорошо), а близким от этого было плохо. Любой вымерший за ненадобностью юрист объяснит, что это прямое нарушение закона. В результате в моде снова естественность, а телесная модификация осталась только для конкретных дел с последующей переделкой обратно или погружением в увлекшую сферу деятельности навсегда.

Случившееся сегодня ночью выходило как за рамки нравственности и здравого смысла, находившихся на краях шкалы человеческих приоритетов, так и науки в целом. Массово нарушены заповеди «Не убий» или «Не укради», и хуже всего, что непонятно, как одна из них нарушена и кем.

До сих пор Гаврила Иванович справлялся и, как говорят, справлялся неплохо; проблемы были типичными и уже набили оскомину. Сегодня все изменилось. С первой минуты стало ясно, что предыдущие дела нынешнему в подметки не годились. Два блиц-допроса окончены, и – ни одной зацепки. Параллельно операторы в потоке и на местах проверяли всех, кто мог быть причастен к случившемуся или что-то знать об этом. Изучали подноготную каждого, и кроме человеческого фактора учитывали все, вплоть до необъяснимых природных явлений, как зафиксированных, так и оставшихся слухами.

И тоже ничего.

Глава 3. Гаврила Иванович Дружба, мистика, возражение

С протяжными взвизгами за окном пронесся Брр-Босс и теперь привычно парил над домом в надежде, что хозяину захочется куда-нибудь полететь. Летать на птерике было просто некуда, по работе всегда требовалась скорость и использовался дискар, а летать ради полета – развлечение для детей, как и купание, если убрать из термина взрослые составные этого слова: плавание и мытье. Поэтому птерик был в семье один. Второго можно заказать по служебной надобности, и, если основание посчитают достаточным, координатору блока правительства выделяют еще одного вне очереди. Но зачем, в самом деле? Несколько лет назад Гаврила Иванович советовался с Леной – хотел отказаться и от имевшегося в пользу тех, кому нужнее. Но именно в тот день, когда об этом заговорили, по Арктике прокатилась буря, и дискар, улетающий, как говорила Лена, «в гараж», разбило о скалы. На восстановление, по заявлению ремонтных дроидов, требовалось от нескольких часов до суток, и в этот момент раздался вызов от Павлика Горбовского, старого друга со времен учебы в академии.

Прошло уже несколько лет, а картинка стояла перед глазами, словно это произошло вчера: Павлик сидел на снегу в некотором ступоре, взгляд просил помощи.

– Буря, – сказал он. – Унесло палатку и все, что внутри.

То есть, и принтер тоже. Не позавидуешь.

Вид Павлика уже не шокировал, как в первый раз. Человек привыкает ко всему. Гаврила Иванович сделал запрос на местоположение, метка указала, что Горбовский находится на льдах у Шпицбергена. От Рыбачьего полуострова – около тысячи километров. На дискаре лететь меньше часа, но он поврежден.

– Скоро буду, часов через восемь-девять. Никуда не уходи.

Павлик улыбнулся и обвел глазами раскинувшееся вокруг сияющее безмолвие. Идти было некуда, даже навстречу, чтобы сэкономить несколько секунд полета. Заснеженные ледяные торосы были непроходимы.

Но друг все же улыбнулся, значит, все сделано правильно. Горбовский мог вызвать доставку, и менее чем через час все необходимое упало бы к ногам с беспилотника. Ему могли отправить помощь по сигналу с чипа, но он отказался и связался с другом, значит, в первую очередь ему нужны не вещи или еда, а человеческая поддержка.

Их дружба сложилась в академии на первом курсе, чудесно развивалась на втором и третьем, а дальше вмешалась судьба. Павлик неудачно влюбился. Девушка предпочла другого. На его месте любой отвлекся бы на учебу и попутно искал своего человека, который есть у каждого: если не торопиться, он обязательно найдется. Так Гаврила Иванович (тогда – просто Гаврик) встретил Лену.

Павлик выбрал другой путь. Он ушел из академии, отправился на север (север даже для жившего на берегу Северного Ледовитого Океана Гаврилы Ивановича) работать на климатическую станцию.

В погоду люди старались не вмешиваться, это делалось очень избирательно, в крайних случаях, точно, после долгих расчетов. Предыдущий век красочно и больно продемонстрировал, что в противостоянии человека и природы победителей не будет. Большинство климатических установок ликвидировали или законсервировали, оставшиеся перевели на автономный режим работы, но некоторое время требовались наблюдатели – не имевшие специального образования любители одиночества. Для Павлика – словно манна небесная.

Основная работа времени не отнимала совсем, и Горбовский стал писать книги. Взапой, одну за другой. Возможно, чтобы забыться, или хотелось прославиться и доказать бывшему

объекту любви, что выбор был неверен. Ну, доказал бы, и что? Дело-то сделано, «Я другому отдана и буду век ему верна», по-другому не бывает. И неизвестно, насколько гениальными были опусы Павлика Горбовского, который выкладывал их под псевдонимом «Пауль Терра-Дактиль». С его слов – сплошные шедевры. В то время Гаврила Иванович книг Павлика не читал. Однажды попробовал, и зря. На критику друг отреагировал со злым шипением:

- Да что ты понимаешь в литературе?! Я – автор, я так вижу!
- Ну а знаки препинания? Тебе же красным подчеркивают...
- Это мой личный стиль!

И Гаврила Иванович не спорил. И не читал.

Чтобы поместить свое творение в поток с тегом «Писатель», необходимо закончить Литературный институт, тогда и читатели обратят внимание, и за чтение автору будут начисляться деньги – писательство превратится в основную работу. Без образования можно выкладываться лишь с греко-английским термином, что переводится как «пишущий человек», а это совсем не то. Павлик периодически плакался:

– Обо мне никто не знает. Как пробиться к читателю?

– Дай почитать друзьям и родственникам, будь готов к критике. Если все здорово, тебя порекомендуют знакомым и коллегам, а те – своим, а если плохо – укажут, что именно не нравится.

– А если они ничего не понимают в литературе, как ты, например?

– Критики для того и существуют, чтобы наваливать в кучу правильное и неправильное, умное и глупое, объективное и субъективное. Выслушай всех, и поступи по-своему. Но сначала выслушай. Еще, к примеру, потусуйся в потоке с другими молодыми и талантливыми, почитайте друг друга хотя бы в порядке бартера, расчихвостьте в хвост и в гриву, ведь каждый уверен, что разбирается в предмете лучше остальных, вот и повышайте собственный авторитет, указывая другому на ошибки. Сам же знаешь: одна голова хорошо...

– А две – мутант.

– Я не шучу.

– А если я пишу интимное и не хочу показывать друзьям и родственникам?

– Интимное – значит, для себя. Почему твои личные записки должны интересовать посторонних? Если не можешь показать свое творчество близким, то оно ничего не стоит.

Дружеских советов Павлик не послушал, но проявил упорство и пошел по другому пути. Поняв, что труды многочисленных авторов с тегом «графомэн» кроме друзей никто не читает, он заочно окончил Литературный, тут же убрал из потока все «нетленки» Пауля ТерраДактиля и, после смена псевдонима на «Поль Гнедых» стал настоящим писателем.

Новые книги Горбовского Гаврила Иванович уже читал. Лена посоветовала. Оказалось, что читать Павлика не только можно, но и нужно, а его «Сложно жить ботом» даже рекомендовали к масштабной визуализации и включению в школьную программу. Фантазия Павлика не знала границ, дальний космос распахнул объятия, и у специалистов будущего появилась постоянная работа – исправлять за отправившимися открывать новые миры молодыми неучами везде, где переполненные самомнением профаны успели напортачить.

С одним из маршрутов, по которому, по Паулю Гнедых, светлое будущее пойдет в сторону ослепительного, Гаврила Иванович не мог согласиться при всем уважении к другу. Дело касалось детей – воспитания и определения с профессией. Павлик предложил систему интернатов, куда лет с пяти у дилетантов-родителей забирают детей, чтобы ими занимались Учителя – с большой буквы. Быть Учителем – почетно и ответственно, к этой работе допускают лишь избранных. Дети учатся правильным моральным установкам и проходят медико-психологическое обследование, после которого для них вырабатываются рекомендации по профессиональным предпочтениям.

Логика вроде бы присутствует, но не для тех, у кого есть собственные дети. Общество воспитает лучше? Вряд ли. И все же допустим, что это так. И:

Глаза наливаются кровью, а рука тянется к чему-нибудь тяжелому: да пусть только попробует кто-нибудь отобрать у меня детей! В пекло такое общество и такое будущее!

Воспитывают детей – в семье. Примером. Любовью. Так было и так будет. Общество воспитывать не может в принципе, воспитывают люди, из которых состоит общество. Лучше всего воспитывают те, кто любят детей и всегда находятся рядом. Такие у большинства из нас есть, они любят по-настоящему и действительно всегда находятся рядом. Они называются семья. Кому милее «интернат» – милости просим, скатертью дорожка. Двести лет назад большевики пытались упразднить семью, даже «научно» обосновали ее никчемность. И где теперь большевики? Как говорил слон велосипедисту, против природы не попрешь. Бездетный Павлик видел по-своему, и его мнение тоже имело право на существование. В качестве фантастического допуска. Не больше.

А он, собственно, на большее и не покушался, просто писал, что придумалось. Благо, на игры воображения времени стало много, писательский труд стал его профессией, а работа творчеству не мешала. После окончательного перехода климатоустановки в автоматический режим Горбовский остался, как там говорили, «на северах», в нужном духе переделал тело, чтобы не зависеть от внешних условий, и писал, писал, писал...

Наверное, он даже не заметил, что прошли сначала годы, затем десятилетия. Он жил грезами о будущем, и кроме подключенного к потоку рабочего шлема с виртуальной клавиатурой ему требовались сущие мелочи: принтер для еды и вещей, палатка, где преклонить голову... И все. Остальное, если без него можно обойтись, – не нужно. Ведь без него можно обойтись.

Нет. Еще требовались друзья, чтобы сказали правду о его работе и поддержали в трудную минуту.

Все, что нужно для счастья, у него было.

Бурю, прокатившуюся от Новой Земли до Гренландии, не останавливали и не смягчали – не было причин мешать природе похулиганить, она решала этим собственные проблемы. Палатку и скудные вещи Горбовского – одинокого путешественника себе на уме, закоренелого холостяка, не представлявшего другой жизни – унесло и раскидало по бескрайним просторам Арктики, часть имущества утопило за тридевять земель (если быть конкретным – палатку), разбило о лед (рабочий шлем) или вморозило в толщу бывшей полыньи (принтер). Чип подал сигнал опасности, едва параметры организма скакнули до предельных значений. Смертельный случай исключался – с окружающими условиями терпящий бедствия справлялся, от жажды, голода или несовместимого с жизнью повреждения не погибал. Помощь – тупая, бездушная, от только казавшихся умными машин – могла прибыть в любую минуту, стоило лишь дать на нее согласие.

Если бы происшествие признали серьезным или с пострадавшим от непогоды нельзя было связаться, то согласие не требовалось. У Павлика осталось нательное устройство связи, с ним поговорили из службы помощи, он от всего отказался. Впервые произошло настоящее бедствие из тех, о которых пишут книги. Павлик собирался использовать случай на полную катушку: пережить максимум впечатлений и написать об этом книгу. Не именно о том, что произошло, сюжет будет другим, но полученный опыт не имел цены.

Об этом Гаврила Иванович узнал во время долгого полета. Нательное устройство связи – еще один чип, но не внутренний, а наружный, он позволяет выйти в поток для соединения принятия-отправки вызовов и поиска информации, но на нем нельзя работать. Горбовский горевал не по принтеру или палатке, а по шлему и потерянному времени: в голове неся ураган из впечатлений и мыслей, а работать с текстом невозможно; оставалось лишь тупо надиктовывать и злиться на тупизну невозмутимого авторедактора, не отличавшего интонационного удивления от восхищения.

Дома Гаврила Иванович распорядился, едва связь с Горбовским прервалась:

– Расходники для нового принтера.

Он впрыгнул в костюм для полета, схватил домашний принтер с только что отпечатанным картриджом и помчался на птерике строго на север.

В дороге они с другом разговаривали, попутно Гаврила Иванович решал вопросы по работе и успокаивал переживавшую за него Леночку. Птерик жмурился от слепящей белизны и вымораживающего ветра, его морда покрылась льдом, а крылья – инеем. Шлем постоянно самоочищался, иначе его постигла бы та же участь.

Пришло время, и впереди возникла оранжевая точка. Птерик чуть ли не со вздохом облегчения снизил скорость, которую от него требовали держать максимальной, и устало пошел на посадку.

Горбовский сидел на снегу, поджав ноги, и это взрослое существо, лишь с некоторой натяжкой напоминавшее человека, уже странно было называть Павликом – именем восторженного парня, искавшего счастья и нашедшего его в упоении работой. И не из-за возраста: Горбовский не только повзрослел, он очень изменился, и большинство людей при сравнении Павликовых «до» и «теперь» признали бы, что «очень» – сказано слишком мягко. Одежды он не носил, кожу по всей поверхности покрывал густой мех – похожий на медвежий, но оранжевого цвета, чтобы заметить издали. Из меха выглядывали с трудом узнаваемые, закрывавшиеся толстыми веками, маленькие глаза. Между заросших мехом пальцев виднелись перепонки для плавания.

– Еще есть жабры, – сказал Павлик разглядывавшему его Гавриле Ивановичу. – Подолгу живу под водой, подо льдом через полюс добирался до Америки. Не представляешь, сколько на дне интересного. Я об этом напишу в следующих книгах. А сил у меня теперь – ого-го! – Он поднял лапищу, чтобы продемонстрировать нечеловеческий бицепс. – Вплоть до Земли Франца Иосифа нет ни одного белого медведя, которого я еще не поборол. И с моржами плаваю наперегонки, но тут пока похвастаться нечем. Но у меня все впереди.

Они обнялись. Затем Гаврила Иванович включил питание принтера, ввел расходники. Один за другим вывалилось несколько прямоугольных блоков, они раскрылись, соединились и рядом с первым принтером вырос его аналог. Павлик ввел запрос и поднес руку-лапу, чтобы устройство распознало приоритетный чип и переключило оплату на него. Загудели вгрызшиеся в лед датчики. Здесь нужных элементов не найти, и для изготовления заказанных предметов придется ждать, пока прилетит доставка.

Павлик прервал молчание:

– Ты настоящий друг. И настоящий герой. Я напишу о тебе книгу.

– Запрещаю, – сказал Гаврила Иванович. – Если узнаю свою жизнь или себя в ком-то из героев – ты мне больше не друг.

– Хорошо. Я напишу так, что ты себя не узнаешь.

– Звучит угрожающе, но все равно спасибо. И моя жизнь...

– Ее ты тоже не узнаешь. – Павлик помолчал, глядя в снег. – Никто не узнает. Не будет ничего общего.

– Но книга будет обо мне?

– Да.

– Без меня?

– Да.

Гаврилу Ивановича стало подбешивать. В голосе пробилось раздражение:

– О чем же будет книга, если она обо мне, но категорически без меня?

Павлик снова помолчал.

– О дружбе, – донеслось, наконец.

Гаврила Иванович уложил принтер на птерика и остановился, прежде чем сесть в седло.

– Вернуться в мир не хочешь?

Павлик усмехнулся:

– Зачем? И что это – «мир»? Мир – это материализовавшийся парадокс, без диалектики не понять. Помнишь, у Короленковского безрукого: «Человек создан для счастья, как птица для полета». Здесь я счастлив.

– Но когда потребовалась помощь, ты связался не с автоматической доставкой, а со мной.

– Ты – друг. Когда тебе потребуется помощь – я к твоим услугам. Если понадобится, даже приеду для этого, как говоришь, «в мир». Но только, чтобы помочь. Каждому свое, и свое счастье я нашел. Вот оно.

С невыразимой любовью он обвел взглядом сверкающий лед.

Гаврила Иванович оставил друга в одиночестве. Живое общение подняло каждому настроение и придало заряд энергии. Вроде бы ничего не произошло, просто пересеклись во времени-пространстве два человека. Просто увиделись. А как много это значило для души каждого. Нет, поток потоком, а без живого общения человек – не человек, а нечто вроде файла в потоке. Чтобы понять, что такое человек, нужно дать ему шанс проснуться. В конце концов, разбудить его в себе насильно.

В тот раз птерик оказался незаменим, потому что сидеть несколько часов в ожидании, пока починят дискар или прибудет какой-нибудь вызванный транспорт Гаврила Иванович был не состоянием. Птерик тоже был живой. Жизнь – она, как говорится, и в Африке жизнь. И никакой кофе из принтера не заменит лично выращенного и с любовью приготовленного, потому что человек остается человеком, ему нужны чувства, а не просто вещи или услуги. Чувства – это сила. Когда-нибудь наука это поймет и возьмет на вооружение.

А пока стоило вернуться к делам насущным – в древней литературе они почему-то назывались «наши бараны», именно к ним всегда возвращались из воспоминаний и прочих мысленных экскурсов.

Итак. Пропали (убиты? выкрадены? насильно переправлены в другой мир?) не только Зайцев и сотрудники его Центра, но также не участвовавшие в проектах члены семей. Хорошо, что дети, у кого были, уже выросли и учились либо жили собственными семьями вдали от дома. В целом потери таковы: профессор Зайцев на Марсе, шестнадцать человек в ЦПР и семь человек на опытной подводной станции у транспортпровода Нарьян-Мар – Нью-Йорк.

В том числе – и в этом вся соль – супруга профессора Раиса Прохоровна Зайцева, член правительства, координатор экономического блока.

Шум поднялся межпланетный. Официально объявленный уровень опасности перескочил через синий-повышенный и желтый-высокий сразу на красный-критический. На посту Гаврилы Ивановича координатором – впервые. Возможно, что вообще впервые в современной истории.

Подозрение в первую очередь пало на живые дома и их создателей. В равной степени рассматривался вариант, что кто-то неизвестный сумел использовать детища Зайцева в своих целях. Немешарики считались главной угрозой: все исчезнувшие люди находились внутри. Правда, Милица Дрогович тоже находилась внутри. В то время, когда метки пропавших погасли, ее метка находилась на месте, в своей кровати. Все исчезли, она, в таких же обстоятельствах, – нет. Что это значит?

Пока – ничего.

Глаза пробежали по отчетам о принятых мерах:

«Расконсервированная техника поставлена на боевое дежурство, недостающая распечатывается, обслуживающий персонал проходит срочную подготовку».

«Поселок Центра Перспективных Разработок и район станции у острова Колгуев обследованы с воздуха, из космоса и с близлежащих территорий, результаты переданы научно-техническому блоку для анализа и представления рекомендаций»

«Проводится постоянный мониторинг зон, представляющих возможную опасность».

«Засеянные немешариками территории изолируются, ввиду нехватки личного состава к охране привлекаются волонтеры. В прилегающих к опасным зонам районах объявлена эвакуация. Все выросшие живые дома и молодая поросль подготовлены к уничтожению».

«Проводятся инженерно-технические работы для нераспространения семян естественным путем».

«Невысаженный семенной материал взят под контроль».

«Проводится информирование населения, проживающего на прилегающих к опасным зонам территориях, для остальных жителей Земли составлен краткий информбюллетень».

«На местах на случай резкого изменения обстановки созданы пункты быстрого реагирования».

«Усилен контроль в сфере общей безопасности с проведением выборочных проверок и осмотров».

«Для личного состава чрезвычайного блока составлен график проведения дополнительных тренировок».

«Проведена оценка возможностей техники и проверка готовности персонала к действиям в чрезвычайной ситуации».

«Начались практические стрельбы из лучеметов (примечание: до сих пор стрелки пользовались исключительно симуляторами, реального опыта применения оружия не имеют)».

«Проводится подготовка к массовой эвакуации из зон посевов на другие континенты, изолированные острова, под воду и в космическое пространство».

«Составляются планы экстренных мер при переходе ситуации в горячую фазу».

«На Марсе проведен аналогичный список мероприятий с учетом местных особенностей».

Планета бурлила. Люди по-прежнему работали и учились, но все разговоры сводились к одному: что будет завтра?

Не давало покоя необъяснимое: как и, главное, куда можно исчезнуть из своих постелей сразу из трех ничем, кроме живых домов, не связанных между собой точек пространства?

Понятно, что всем операторам на местах в первую очередь пришла одна и та же мысль: нужно разрезать немешарики, поскольку всем видам просвечивания они, в силу новизны и непонятности конструкции, сопротивлялись. Специалистов по ним почти не осталось. Живы пятеро, и все, кроме Дрогович, бывшие: стотридцатилетний Кузьма Артемонович Сальер, работавший с Зайцевым с первых дней и недавно отошедший от дел по собственному желанию – «ввиду моральной усталости и для продвижения молодых». Еще – Андрей Сигал, а также Борис Мартынов с Эльвиной Прокофьевой, покинувшие ЦПР чуть позже Сигала. И, наконец, злополучная Милица Дрогович, пришедшая после Андрея, но заставшая Бориса и Эльвину. Остальные исчезли вместе с начальником и заместителем, прихватив членов семей.

Научно-технический блок, дававший заключение о безопасности немешариков, сейчас рекомендовал от непоправимых мер воздержаться. Поскольку вне живых домов никто не пропал, достаточно ограничить к ним доступ и выяснить причину пропажи. Ученый совет утверждал, что современная наука не располагает данными, которые указывали бы на причастность немешариков к исчезновению в них людей. По мнению ученых, нужно искать другие причины. И других виновных. Экстренное заседание блоков постановило провести расследование.

Этим Гаврила Иванович и занимался. Кроме перечисленных мер он приказал взять под наблюдение другие Зайцевские изобретения – птериков и модифицированных лошадей с собаками. И мучил еще один вопрос: гигиеники, которыми оборудованы тысячи домов на всех континентах, включая дом Гаврилы Ивановича, тоже являются частью Зайцевского проекта. Они безопасны или от них можно ждать сюрпризов? На всякий случай жителям временно запре-

тили пользование и до особого распоряжения рекомендовали держаться подальше. Это создало неудобства, но люди все поняли – речь шла о жизнях.

Вспыхнул сигнал вызова, после подтверждения слева возникло лицо диспетчера, занимавшегося допросами второй степени важности.

– Гаврила Иванович, послушайте, вам может быть интересно.

Лицо сдвинулось еще левее, перед глазами появилось изображение взволнованного парня – широкоплечего, с короткой стрижкой и ярко-зелеными глазами. В нем явно узнавались черты Раисы Прохоровны Зайцевой – исчезнувшего координатора экономического блока. Те же скулы, та же светлая, почти белая кожа. Побежали строки личных данных: Михаил Максимович Зайцев, двадцать лет, младший оператор Ликвидации, классификация по двоичной системе – ноль, выбранный статус: «Нам любое море по колено, нам любые горы по плечу». Закрытые данные: учился слабо, лидерские качества отсутствуют, к определенным профессиям склонностей нет, интересы полностью игровые.

– Показалось, что папа с мамой меня зовут, – эмоционально говорил Зайцев-младший. – Мне захотелось быть с ними. А утром мне сообщили...

Диспетчер остановил изображение:

– Михаил, сын исчезнувшего профессора. Он обратился к нам еще до того, как мы составили список. Ночью что-то привиделось.

– Что вы об этом думаете?

Диспетчер пожал плечами:

– Мистика какая-то.

– Именно, – согласился Гаврила Иванович. – Мистика. Но известите сотрудников и берите в разработку. А если мистика повторится – кидайте на нее все силы.

– Слушаюсь.

Вместо диспетчера перед глазами возник вызванный объект номер один – Милица Дрогович. После просветки, анализов и дезинфекции ей включили шкаф-рамку, и девушка переоделась в облегающий костюм по мотивам «розового периода» Пикассо. Грубоватые линии, жизнерадостные красно-коричневые и розовые тона – все говорило, что настроение у нее боевое.

«Розовый период», как проинформировали очки, у Пикассо ознаменовался переходом от мрачного к светлому и позитивному. Похвальный выбор. И у художника, и у Милицы. Девчонка не падает духом. Оптимист. Или прирожденный боец. Купальник у нее был именно синей гаммы с элементами черного, что свойственно предыдущему «голубому» периоду, а теперь тело облегал броские осенне-солнечные рисунки цирковой тематики. Красотой никого не удивишь, сейчас каждый красив по-своему, и объект номер один использовал женственность и юность на всю катушку, каждой выверенной деталью бил наповал: изящность подчеркивалась, объем выпячивался, хрупкость и грациозность гармонировали и подавались, как на тарелочке. Оставленные прозрачными «разрезы» вносили нотку кокетливого озорства. Девушка сидела в кресле, положив ногу на ногу, ступни остались босыми – ограничивавшая свободу медкапсула выступала в роли помещения для содержания задержанных, значит приравнивалась к жилью – содержание и есть проживание в течение некоторого времени. А дома обувь не носили.

Шкаф-рамка используется уже лет двадцать, а Гаврила Иванович до сих пор восхищался фантазией и умением конструкторов. Рамка работала по принципу принтера. Она, собственно, и была принтером, который вывернули наизнанку: человек в ней находился внутри. Список вещей выбирался заранее, при желании в гардероб что-нибудь добавлялось, достаточно открыть каталог из неисчислимого количества позиций. Можно придумать что-то свое, но не у всех фантазия работала в нужную сторону, поэтому предпочитали программу-конструктор: из сочетаний нескольких факторов получался непохожий на других наряд. По чипу рамка опре-

деляла пользователя, в потоке открывался его список, и оставалось лишь выбрать голосом и пройти через похожую на ворота конструкцию. Прежняя одежда, если была, осыпалась, со всех сторон брызгали распыленные частицы, тут же затвердевали, и на выходе человек был одет уже по-другому. Чудеса. Но приятные.

До появления шкаф-рамок в моде была спрей-одежда, сейчас ее, как и спрей-обувь, применяли только на природе или при поездках в места, где шкаф-рамки не водятся. Одежда дышала, в мороз грела, в жару вентилировала. Внешне возраст теперь определялся с трудом, и отличительной чертой сама собой стала одежда. С годами вкусы менялись. Те, кто постарше, любили трехмерные конструкции – рубашки, брюки, халаты, даже пиджаки. Молодежь поголовно носила обтягивающее.

В соответствии с возрастом, о котором страшно вспоминать, Гаврила Иванович предпочитал классику. Например, сегодня после утренней пробежки он переоделся в черные брюки с кожаным ремнем и белую рубашку – вкус удачно совпал с рабочим дресс-кодом. Ответственные люди носили строгие одежды строгих цветов. Хорошо, что хоть в этом все осталось по-прежнему.

Мир менялся на его глазах. Гаврила Иванович был свидетелем закрытия последних заводов и фабрик, помнил, как сносили или превращали в музеи целые города. Казалось, что отныне жить будет лучше и проще, и впереди – только бесконечное светлое будущее, с каждым днем все светлее и бесконечнее. Даже правительство оперировало не экономическими-экологическими и прочими субъективными понятиями, что мало соотносились с ежедневными заботами и горестями каждого конкретного человека, а вполне понятными категориями счастья. Чем счастливее живут земляне на Земле и в космосе, чем им удобнее и безопаснее – тем лучше показатели чиновников и выше их эффективность.

«Возлюби ближнего» в мировом масштабе. Рай на земле. Казалось, что все получилось, и о бедах можно забыть. Над еще не решенными проблемами – не до конца понятной работой человеческого мозга, способами тер-формовки небесных тел, увеличением скорости космических кораблей или открытием новых способов передвижения в пространстве – бились лучшие умы, на это выделялись огромные ресурсы, но для большинства все это было вторично. Каждый, где бы ни жил и ни работал, в снегах, в жерле вулкана, в океанских глубинах или на другой планете, жаждал жить в собственном доме с садом и площадкой для игр и передвигаться на дискаре – личном дискоиде. Ничего необычного, простые человеческие желания. Изменились насажденные господствующей моралью нравственные установки, но не сущность человека. И где же взять столько пригодной земли с садами и энергии для полетов стальных машин? Экономический блок требовал срочных мер от научно-технического (что-то изобрести) или от духовного (придумать, чтобы люди захотели другого), пока не потребовалась помощь чрезвычайного блока. Духовники привыкли идти на поводу у жизни, отображать и мягко направлять ее, а не жонглировать чаяниями масс в оперативном порядке, и пока они раскачивались, ученые и технари в лице Зайцева с его коллективом представили добывавшего себе пропитание птерика и растущий в необходимых условиях живой дом.

– Гаврик, в каком же замечательном мире мы живем! – восхищенно закатывала глаза и блаженно замирала в объятиях жена, посмотрев последние новости.

– Да, – сухо отвечал Гаврила Иванович.

– Думали ли наши деды, что уже дети сказку сделают былью, а внуки осуществят самые смелые мечты!

– Нет.

– Ты не согласен?!

– Я согласен. Да, говорю, нет, не думали.

Он работал в чрезвычайном блоке, где оптимистить запрещено по уставу, правда, другими словами. Восторженным «юношам бледным со взором горящим» в мире охраны челове-

чества делать нечего, не зря же в ЧБ не берут нулей. На жизнь, какой бы она ни была или ни казалась, надо смотреть открытыми глазами безо всяких очков, хоть розовых, хоть дополненной реальности.

Ну и вот тебе, бабушка, Юрьев день, как по вполне конкретному поводу говаривали прежде.

Обязанность координатора чрезвычайного блока – не допустить новых жертв. Ученые просят подождать с решительными действиями. Сколько ждать? Неизвестно. Но ученые сейчас не главные, чрезвычайный блок потому так и назывался, что брал на себя ответственность в чрезвычайных обстоятельствах. Сейчас – именно такие.

Решение существует, и оно всего одно. Оно известно всем, пусть и делается вид, что возможны варианты. На самом деле, если человечество хочет выжить, вариантов нет. Все наследие Зайцева необходимо уничтожить как можно скорее. И начать надо, само собой, с источника угрозы – с живых домов.

Гаврила Иванович вновь поймал себя на том, что чешет нос. А по ту сторону очков дополненной реальности его терпеливо ждала Милица. Главные вопросы Гаврила Иванович ей уже задавал, ответы ничего не прояснили. Новой информации со времени разговора не прибавилось, осталось сделать последнее. Он послал сигнал, изображение с девушкой сместилось влево, справа появился Андрей Сигал. Гаврила Иванович обратился сразу к обоим:

– Желательно провести сканирование памяти, оно может пролить свет на детали, которые вы не упомянули, потому что посчитали несущественными или не заметили. Процедура займет несколько минут, на это время вы уснете и ничего не почувствуете. Вы даете разрешения?

– Да, – кивнул Андрей.

Гаврила Иванович с удивлением перевел взор на замешкавшуюся Милицу. Гипносканирование – дело обычное, оно ничем не грозит ни психике, ни, тем более, физическому здоровью, которому в нынешние времена почти ничего не грозит. С тех пор, как люди стали жить по совести, еще никому не приходило в голову отказаться, вопрос о согласии считался чисто формальным, едва ли не риторическим.

Глаза девушки глядели в пол, лицо окаменело. Глухо прозвучало:

– Возражаю.

Глава 4. Боря Мартынов Марш-бросок, допрос, командировка

– Вы похожи на летучих мышей, – донесся сбоку гортанный голос приятеля.

Боря оглянулся: Арслан карабкался по скалам, будто не было позади ста километров марш-броска по горам в полной выкладке со «сломанными» экзоскелетами и еще четырех километров, но уже по вертикали.

– Самый умный, да-а? – бросил он, передразнив легкий акцент Арслана, предмет его гордости. – Сказал что-то непонятное – поясни, иначе с тобой хочется поступить не так, как хочется, чтобы поступали со мной.

Раздражение – отвратительное качество; совесть помнит, что ему не место в человеческом общении, но когда вымотан бесконечными тренировками, а приятель, при котором можно даже выругаться (ругань, как форма антистрессового аутотренинга, допускалась исключительно в формате «про себя»), испытывает твое терпение... Арслан угрозы не боялся, он пришел в чрезвычайщику сразу, по убеждениям, мечтал и готовился с детства: отрастил мышцы, при которых сервоприводы спецкостюма превращались в лишний груз, изучил боевые методики, чтобы даже сто человек с холодным, огнестрельным и маломощным лучевым оружием не остановили такого молодца, хотя после выполнения задания потребуется почти полное восстановление. Ребром ладони он дробил скалы, лучше всех прыгал с пошедшего в пике «раненого» птерика на запасного, умел почти в любых условиях добыть пищу и воду без принтера... В общем, в команде Арслан был пусть не главным, но лучшим. К выплеснувшемуся раздражению Бори он отнесся философски: сделал вид, что не заметил. Хотя должен был вразумить нерадивого члена общества, забывшего элементарные нормы общежития.

– Так летучие мыши перекликаются, – объяснил он, наконец. – «Боря!» – на все горы. Тут же: «Эля!» – и некоторое время со спокойной душой двигаетесь дальше: локация произведена, расстояние до другого известно и безопасно, связь в порядке.

– Не завидуй.

Арслан оскалился улыбкой из могучих зубов, которыми, наверняка, можно грызть алмазы, и полез вверх – легко и грациозно, как тур, исконный обитатель этих гор. И не просто обитатель, а их олицетворение – именно он изображен на гербе. Тур – горный козел – был олицетворением этих мест до конца позапрошлого века, когда слово «козел» обросло дополнительными и очень неблагоприятными криминальными и бытовыми смыслами, и местные власти дали туру отставку – на гербе изобразили орла. Но орлов на гербах – как звезд на небе в горах, и со временем гордому винторогому красавцу вернули былые блеск и уважение.

Под ногами хрустели камни и лед, остро чувствовалась нехватка кислорода. Обычным туристам здесь рекомендовались остановка и отдых через каждые двадцать метров. Вживленный слой защиты спасал от мороза и слепящего солнца, а дополнительно внесенные микрочастицы в крови могли дать некоторое время, чтобы выжить даже в вакууме, но смысл похода – в тренировке умений и проверке выносливости.

Уже утро. Розово-лиловое в небесах перетекло в яркое сиреневое, почерканное радостно-оранжевым. Бездонная тьма нехотя уползла в ущелья, сменивший ее мутный сумрак истончился и развеялся, как дым костра под порывами ветра. С востока вершины посветлели и будто бы улыбнулись первым лучам. Рассвет в горах – красота неопишуемая. Сравнится только с ночью в горах. Но какая разница, если смотреть нужно под ноги.

Осталось немного, меньше километра. Но плохо, что этот последний километр – вверх. Зато, по устоявшимся здесь преданиям, поднявшихся на эту вершину ждет небывалое счастье.

Недавно прошли покрытое льдом озеро. Ему на такой высоте все равно, что на календаре, вообще-то, лето. После опасного места с осыпавшимися камнями и узким лазом сквозь трещину пришлось пройти по другим, предельно гладким, которые оказались еще хуже: их будто бы отлакировали и облили маслом.

Боря притормозил, чтобы подстраховать Элю и помочь, если понадобится. У нее, как внештатного участника, экзоскелет работал, но в горах кроме оборудования нужны умения и особый настрой. Шалбуздаг – отдельно стоящая пирамидальная гора с зубчатой вершиной, каждый камешек которой прежде люди покоряли как отдельную вершину. Сейчас по ней требовалось пробежаться в ускоренном темпе и после траверса дюльферить к подножию, откуда так же «быстренько», как сказано в приказе, покорить расположенные неподалеку Шагдаг и, напоследок, Базардюзю. Все три – четырехтысячники, но даже пятитысячник-Эльбрус по сравнению с ними – детская площадка для ясельных групп. Впрочем, в прошлый раз, «от Пушкина до Пушкина», было еще сложнее. Вернулся лишь каждый третий, остальные повторят марш-бросок после восстановления, а если снова не получится, то – ничего не поделать – их ждет отчисление по несоответствию.

К названиям «от Пушкина до Пушкина» великий Александр Сергеевич не причастен никаким боком, лично не бывал ни там, ни там, об этих местах не писал и, возможно, даже не слышал. Начинался маршрут на Пике Пушкина – это такая вертикальная скала в массиве Дыхтау, пятитысячника чуть ниже Эльбруса, но во много раз опаснее. Дыхтау с вечными снегами и висячими ледниками состоит из двух гор-близнецов с крутой седловиной и отдельной скалой Пика Пушкина и знаменит частыми лавинами и камнепадами. Конец лета и начало осени – пик туристического сезона, скоро сюда скопом полезут любители, а в июле, когда состоялся тот марш-бросок, прохождение хоть и затруднено, зато передвигаться можно свободно.

Заканчивался маршрут не так далеко от курсантских казарм академии, всего в пяти минутах полета на десдисе – стандартном десантном дискоиде. Местечко называлось Избер-баш, это множество заходящих друг за друга скал, и при взгляде с определенного места они образовывали силуэт Пушкина. По этой причине гора также получила имя Пушкин-тау. Весь маршрут – четыреста километров. Если по прямой. Ага. А это, на минуточку, по Главному Кавказскому хребту, и не поперек, а вдоль. Курсантов просто высадили на пятидесятиметровый жандарм...

«Траверс», «дюльферить», «жандарм»... Вот Эля и пошла в этот раз вместе, чтобы понимать, что Боря ей говорит. После предыдущего марш-броска лексикон резко обогатился, и если раньше, глядя на гору, они видели просто гору, то сейчас на ней выделялись стена с бастионом, потолок, ребро, кулуар, берг, контрфорс, полка, сброс, бараний лоб, мульда, перемычка, кант, желоб, гребень, крыша, камин... Или тот же жандарм – отдельно стоящая на рельефе скала. Спускаться с нее без спецсредств – то еще удовольствие. Кстати, спускаться по веревке со спусковым устройством – это и есть непонятное непосвященным «дюльферять», а траверс – прохождение нескольких вершин по гребню или косое передвижение по склону. А ледяной жандарм называется серак. А еще есть очень неприятные для передвижения кальгаспоры, сыпуха и заструги – снежные кальгаспоры, выдуваемые ветром...

Теперь Эля оперировала новыми терминами не хуже заправских скалолазов с вековым стажем.

– Справляешься? – крикнул Боря, едва завидев развевавшиеся кудряшки.

– А ты?

Ее улыбающееся лицо светилось, глаза сияли. Казалось, Эля родилась здесь, на вершинах Кавказа. Или, как минимум, провела детство.

– Если трудно – скажи. – Боря заботливо посторонился, чтобы ей было проще запрыгнуть «на полку». – Мы идем с утроенной скоростью, такое под силу не каждому.

– Обязательно скажу. Но есть одна поправка: мы не идем, а ползем.

Эля скакала по крошившимся камням, как горная козочка, и дала бы фору многим курсантам. На тренировку ее взяли с трудом, просто не нашли повода отказать: на основной работе она отпросилась на несколько дней, а нынешний поход в горы особых качеств не требовал.

– С таким энтузиазмом тебе бы на Нептуне попрыгать. Во сколько раз он тяжелее Земли? В семнадцать?

– Возможно, еще попрыгаю. Только не на Нептуне, там ветры сильнее, чем здесь, – Эля улыбнулась, – и оболочка газо-ледяная, сразу провалишься до самого ядра, а это, если не изменяет память, семь тысяч километров, оттуда уже не выпрыгнешь. Лучше я попрыгаю на Титане, там гравитация почти земная, зато условия с Нептуном несравнимые – есть, где попрыгать.

В очередной раз вспомнилось, как они, астробиолог и генетик-дизайнер, оказались в Академии Чрезвычайного блока. Через месяц после того, как Яна «вернулась», Боря ушел в чрезвычайщики. Борются с опасностями, от которых гибнут невинные. Тот же метеорит можно отследить, можно уничтожить, можно, в конце концов, перенаправить. Да, вполне было можно, техника умела, знаний хватало, а человек, между тем, превратился в растение. Сейчас растения живут более активной жизнью, чем люди в коме. Живой дом, например. Сам принимает решения, как принести больше пользы, быстро перенастраивается, выращивает недостающее. Он любит своих жильцов. Симбиоз. Ему нужно о ком-то заботиться, это вживленное качество, как необходимость в питании. Но любовь – непостоянный фактор. Непредсказуемый. Он не поддавался расчетам.

Что же такое любовь? В физическом плане – химическая реакция в мозгу. Она необходима для продолжения рода, поскольку толкает самца и самку друг к другу. У животных такое толкание наиболее ярко выражено в период течки, в остальное время они в основном адекватны и предсказуемы в половом отношении. Особенно моногамные.

Человек выпадает из общей картины. Сам он чудесно чувствует любовь, но до сих пор до конца не знает, что это такое. До того, как организмы перестали реагировать на наркотические препараты, выяснилось, что влюбленность похожа на их воздействие – задействованы те же части мозга и вызываются похожие химические реакции. Стремление любить заложено в нашу физиологию, оно подобно желанию употреблять пищу и является мощным биологическим стимулом, с которым мы рождаемся. Вот, например, определение нейробиологов: «Любовь – дофаминэргическая целепологающая мотивация к формированию парных связей». Истинная любовь подразумевает заботу, ответственность, знание, уважение и желание, чтобы любимый человек развивался и рос духовно. Тогда любовь – не страсть, а, скорее, деятельность. А у Льва Толстого – философа, который любого ученого-практика за пояс заткнет – любовь «не есть какое-либо особое чувство, это – сознание единства». Он утверждал: «Любовь есть единственная разумная деятельность человека». При любви выделяются гормоны. Серотонин повышает настроение. Окситоцин является биологической основой любви – вырабатывается во время объятий и близости, наполняя ощущением привязанности. Вазопрессин вместе с окситоцином отвечает за чувство близости к кому-либо, а дофамин – за желание и вознаграждение, то есть удовольствие приходит, когда любовь выражается через прикосновения, выражение доброты и другие ощущения. Норадреналин вырабатывается, когда человек влюбляется и чувствует волнение, обусловленное желанием, чтобы все складывалось и развивалось хорошо. При таком волнении учащается биение сердца и влажнеют ладони. Все перечисленное называется «гормонами любви» и усердно изучается, правда, пока без особого толку.

У любви есть изученные и подтвержденные фазы: влюбленность, привыкание, изучение, понимание, истинная близость. Любовь, являясь явлением, в общем-то, метафизическим, активно влияет на поведение и, конкретно, на производительность труда. Одни уходят в работу от разделенной любви, другие – от неразделенной, но все открытия и свершения, как правило, делались во имя любви. Без любви работа теряла смысл. Или же работа была намеренным способом замещения. Взаимосвязь отрицать бессмысленно. Даже труд «чисто ради заработка» не

выходит за рамки, потому что – куда пойдет заработок? Ладно, на новые вещи. А для чего эти вещи? Любая логическая цепочка начинается с любви и ею же заканчивается, главное – не врать себе.

Вадик Чайкин ближе всего подошел к пониманию, что же такое любовь. Если бы не беда с Яной, быть ему Нобелевским лауреатом за открытие в сфере, примирившей физику и лирику. Говорят, будущее электроники – в симбиозе с философией, первые образцы уже проходят испытания, а лайт-версии второй год как применяются в быту. Чайкин работал и в этом направлении, он хотел охватить все, он требовал от Зайцева расширения возможностей, приглашения специалистов в дополнительных областях, строительства новых лабораторий...

Вадик Чайкин проявил качества, которых до катастрофы с Яной у него не подозревали. Сначала горе подкосило его. Вадик закрылся от всех, иногда что-то делал, но с таким отсутствующим видом...

А затем его как прорвало. Он превратился в вулкан, извергавший идеи. Каждая сотрясала основы науки, ломала устои и заставляла других ученых хвататься за головы. И каждая была лучше предыдущей.

Первые идеи все до одной касались Яны. Открытия, двигавшие науку в целом, ничего не давали Вадиду в личном плане. Кома оказалась крепким орешком. Он сумел вживить в немешарик нужные функции, новое оборудование оказалось ничем не хуже обычного и работало идеально, и рассматривавшая дело комиссия разрешила сделать то, ради чего Чайкин не спал ночами. Перевезенную в «гробе» восстановителя с Марса Яну Вадик забрал из стационара и подключил к зачаточному мозгу своего немешарика. Надеялся достучаться через посредника.

Ничего не получилось. В то время Боря помогал ему и видел результат.

Для Бори это стало последней каплей. Он ушел в чрезвычайщики – помогать людям, защищать их от всего возможного и невозможного.

Компания «чаек» развалилась окончательно. Да, чаек было четыре, хотя все думали, что три. Яна Чайковская и три поклонника: Андрей Сигал-«Чайка», Вадик Чайкин и Боря Мартынов – тоже, представьте себе, Чайка. Как оказалось, марты с ударением, как в фамилии, на «ы» – это чайка в переводе с турецкого. Зайцев как-то просветил, увидев всю четверку вместе. Сообщил он это только Боре, а Боря не афишировал – лелеял в душе и тихо радовался, ловя изредка брошенный на него взгляд и любясь обаятельными ямочками на щеках Яны. Вначале, пока была на Земле, она никому не отдавала предпочтения, и Боря, не зная о ее тайной симпатии к Вадиду, ревновал к высокому и статному Андрею, больше всех занимавшему собственными внешностью и манерами. Больно было смотреть, как он выбирает «Чай или Кофе?» Юная Эля Прокофьева тянулась к нему всей душой, а Андрей волочился за непробиваемой Яной. Вадика Боря в расчет не принимал и завидовал Андрею, тот выглядел в его глазах истинным любимцем женщин. Можно, конечно, постараться и добавить себе роста, чтобы как у Андрея, а то и больше... но разве в росте дело? Выбор Яны доказал, что нет.

Незадолго до ухода Бори из Зайчатника там появилась Милица – молодой талантливый нейропсихолог. Она тоже подкинула Вадиду новых идей, особенно после свадьбы Мишки Зайцева, сына профессора. Боря просто радовался за новую семью, а Милица с Вадиком находили в привычных традициях неожиданные решения.

Вадик пошел вверх по карьерной лестнице и даже для друзей-сверстников стал Вадиком Геннадьевичем.

А Боря покинул Центр. Не его это. Но перед этим...

Несчастье с Яной и уход Андрея толкнули его и Элю друг к другу: вместе проще пережить горе, даже если горе у каждого свое. Дружба крепла, обростала неловкими ситуациями и решаемыми вместе проблемами. Эля оказалась незаменимым товарищем. Поддерживая друг друга, они почти не разлучались, и как-то само собой получилось, что однажды их взгляды странно пересеклись... а после этого – судьбы тоже.

В академии и находившемся рядом городе работы для Эли не нашлось, но неподалеку проводились биоисследования, и дополнительный специалист оказался не лишним. Временная экспедиция размещалась в палаточном городке – даже здания строить не было экономического резона, завершить рассчитывали за несколько дней. Но, как часто бывает у увлеченных ученых, исследования затянулись, дали толчок новым идеям, и пошло-поехало. О проблеме, из-за которой собрались, едва не забыли.

О ней вечером после первого рабочего дня рассказала Эля:

– Каспийское море переполнено осетровыми. Раньше черную икру добывали живодерским способом, теперь она есть на каждом столе – такая же натуральная, но из принтера. Экологическое равновесие нарушилось, весы качнулись в другую сторону. Белуга, осетр и севрюга живут очень долго, та же белуга – до ста лет, а это хищник, который пожирает всех рыб – и в толще воды, и придонных. Мы придумываем лучший вариант для сохранения всех видов. Но когда стали исследовать дно...

Боря улыбнулся: дальше началось эмоциональное перечисление множества направлений, на которые расплылось внимание ученых. Элю интересовали все. Остальных тоже. Чувствовалось, что «временная экспедиция» – это надолго.

На работу Эля летала на служебном птерике чрезвычайщиков – это предложило начальство, чтобы не задействовать тяжелый транспорт и не разлучать молодых. Казарма состояла из двух отделений, для холостых и семейных, и после бурно отмеченной свадьбы Боря с Элей торжественно вселились в собственную комнату. После окончания академии они смогут построить дом в любом выбранном месте, откуда легко добираться до службы, и встать в очередь на Зайцевский немешарик – чтобы однажды вновь ощутить единение с природой, которого не могли дать ни металл, ни пластик, ни стекло, ни бетон.

Академия чрезвычайного блока располагалась рядом с Дербентом. Город Боре понравился. Сначала. Потом он в этот город влюбился. Здесь удивительным образом сочеталось и переплеталось старое и новое, древние традиции и современная техника. Жители впитали новые веяния, но не отказались от традиционного быта. В саклях (как по-прежнему или в угоду туристам называли дома на склонах гор, облагороженные технологиями двадцать второго века) стояли принтеры, кроме них там обязательно присутствовал колбасник с несколькими видами мяса, которое выращивалось в нем из клеток животных, а во дворах паслись овцы, козы и коровы. Шкаф-рамки стабильно облачали мужчин в черкески и мохнатые папахи, а женщин – в стильные длинные платья и платки. Невероятный город. Погуляв по его улочкам, Эля сказала:

– Мне кажется, что нас перенесло в прошлое тысячелетие.

– А мне кажется, – ответил Боря, – что тебе не кажется.

Духовный блок собирался восстановить Дербент в исконном виде времен его максимального величия, но для составления техзадания архитекторам не хватало достоверного исторического материала. Дело застыло на стадии проекта – от историков ждали большей точности в деталях.

В прежнем виде, как скопления людей и зданий, города давно канули в небытие, остались только те, что представляли культурную ценность. К Дербенту это относилось в первую очередь. Один из столпов Шелкового пути и старейших городов древнего мира, город трех мировых религий, он упоминался в христианском и мусульманском Священных Писаниях, за обладание им вели борьбу такие древние цивилизации, как Персия, Хазарский каганат, Римская империя, «Вторая древняя» (Биз-антик, «Византия», никогда так не называвшаяся в реальности) Римская Империя греков со столицей в Константинополе (где «Рома», то есть «Рим» в переводе означало «мощь»), Золотая Орда, Османская империя... Упоминания о «Каспийских воротах» оставили Геродот, Плиний и Страбон. В Дербенте до середины шестого века размещался патриарший престол Кавказа, здесь находятся самый древние на территории России синагога, христианский храм и мечеть. Здесь дрались войска Александра Великого, турок-

сельджуков, иранского Надиршаха, хромоногого Тимура и многих-многих других. Здесь (к сожалению, по неподтвержденной легенде) Александр Македонский (в арабских источниках – Искандер Зуль-Карнайн, или Александр Двурогий) поставил стену от кровожадных Яджудж и Маджудж (перекликающихся с библейскими Гогом и Магогом, поскольку у арабов не было буквы, точнее, огласовки «о»), откуда они однажды вырвутся, «и будут среди них такие, которые питаются только кровью и человеческим мясом, все сметут они на пути, убьют множество людей, выпьют воду всех больших рек и озер...»

До того, как защита организма отказалась принимать алкоголь и стала расщеплять его еще до получения любых ощущений, здесь, в Дербенте, делали один из лучших в мире коньяков, и о нем говорили: «Он – первое из чудес света, остальные – его последствия». Город размещался между горами и морем на полосе шириной четыреста метров и длиной два километра, древние стены уходили далеко в море, чтобы враг не обошел по мелководью, а в горы – еще на сорок два километра. Циклопические размеры. Ныне сохранилась только цитадель Нарын-Кала, это древняя доарабская крепость, часть Дербентской крепости, перекрывавшей двумя стенами так называемые Каспийские ворота. Вид с крепостных стен – изумительный, выше, чем с птичьего полета; внутри есть действующая с шестнадцатого века баня с теплыми полами (под ними проходил пар из печи), желающие до сих пор могут приобщиться к старине – помыться как в древности. Цитадель стоит на месте еще более древней. Кто ее строил: люди или кто-то еще? Ответов современная наука не дает. Она знает о существовании множественности миров, но знание о Мультиверсуме еще не позволило добиться переходов. Проколы пространства – в активной разработке, но успехов пока нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.